

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 13, № 3, 2022

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2022

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Германия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Маевродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Микиртумов И.Б., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Нефедов С.Т., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Тутьчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Шпицмюллер Ю., д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Вена, Австрия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich's Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; Д.Ю. Алексеева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 10.10.2022

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2022

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 13, No. 3, 2022

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2022

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Wang Jiaying, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Ivan B. Mikirtumov, (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Sergey T. Nefedov, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Grigorii L. Tulchinskii, Dr.Sc. (philos.), prof., National Research University Higher School of Economics, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager;

A.A. Kononova – computer layout; D.Yu. Alekseeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 10.10.2022

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2022

Содержание

Иванова С.В. <i>Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура</i>	7
Клочкова Е.С. <i>Функционально-коммуникативный потенциал гипертекстовых элементов в англоязычной научной статье</i>	15
Краснова И.А., Попова Н.В., Солтановская Т.В., Вдовина Е.К., Коган М.С. <i>Диалог литературы и кино как явление межсемиотического перевода: анализ экранизаций повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» в арт-видеолекции «Своим голосом»</i>	23
Се Линь, Загайнов А.И. <i>Моделирование характеристик персонажей и их взаимосвязей в сюжете художественного произведения методами численного фрактального анализа</i>	36
Попов Д.Г., Фокина В.В. <i>Реализация целей коммуникатора в современных коммуникативных практиках. Рецензия на книгу В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодых «Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе». М.: ЛЕНАНД, 2021. 176 с.</i>	48
Чернявская В.Е. <i>Диминутивы как социальный индекс: «наденьте масочку» и «машинка подана»</i>	55

Contents

Ivanova S.V. <i>News as a genre of discourse: A non-missing structure</i>	7
Klochkova Ye.S. <i>Communicative potential of hypertextual elements in a research paper</i>	15
Krasnova I.A., Popova N.V., Soltanovskaya T.V., Vdovina E.K., Kogan M.S. <i>The dialogue of literature and cinema as a phenomenon of intersemiotic translation: analysis of screen adaptations of "White Nights" by F.M. Dostoevsky in the art video lecture "In Your Own Voice"</i>	23
Xie Linyi, A.I. Zagaynov. <i>Modeling of character characteristics and their relationships in a novel plot by methods of numerical fractal analysis</i>	36
Popov D.G., Fokina V.V. <i>Implementation of the goals of the communicator in modern communication practices. Review of the book by V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko "Speech influence in political, advertising and Internet discourse". Moscow: LENAND, 2021, 176 P.</i>	48
Chernyavskaya V.E. <i>Diminutive words as social index: "put your masky on" and "get the cary"</i>	55

Научная статья

УДК 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13301>

НОВОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ЖАНР: НЕ ОТСУТСТВУЮЩАЯ СТРУКТУРА

С.В. Иванова

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 s.ivanova@lengu.ru

Аннотация. Статья обращается к текстотипу «новость», жанровый статус которой, если не противоречив, то довольно сложен для определения, чем обусловлены различия в подходах к его рассмотрению. Как известно, новость не составляет единого жанра с точки зрения журналистики в силу целого комплекса факторов, включающих неоднозначность природы новости как медиатекста в дополнение к расхождению в исследовательских установках ученых. Наряду с этим профанное сознание выделяет дистинктивные признаки данного медиапродукта, что делает неизбежным постановку вопроса о возможности решения проблемы статуса новости как единого текстотипа. Цель данной статьи обосновать статус медиапродукта «новость» как дискурсивного жанра. Гипотезой исследования служит понимание целесообразности использования жанроведческого и дискурсивного подходов в их совокупности. Рассмотрение новости как дискурсивного жанра, то есть жанра (содержательное наполнение медиапродукта), образующего дискурс (единство языковой формы, события и действия) и существующего в различных дискурсивных форматах (структура медиапродукта), представляется продуктивным для анализа подобного рода медиатекстов. Эвристический потенциал термина «дискурсивный жанр» позволяет полностью описать специфику данного типа медиапродукта, учитывая особенности содержательной стороны текста, выражающейся на уровне передачи фактуальной (что, когда, где и с кем произошло) и концептуальной (каков социальный посыл данного события) информации, и его структурных характеристик, соотносящихся с различными форматами передачи информации. Основу исследования составили дискурсивный подход, позволяющий приоритизировать социальную когницию участников новостной коммуникации и задействованные в нем дискурсивные практики, теория жанров в бахтинском понимании, концепция текстовых категорий И.Р. Гальперина (типы информации текста). Материалом исследования послужила авторская выборка новостных текстов средств массовой коммуникации Великобритании и США в период с 2019 по 2022 в «бумажном» и электронном виде. В исследовании были задействованы методы наблюдения, интерпретативный анализ текстов, метод ключевых слов при анализе видов информации по И.Р. Гальперину.

Ключевые слова: дискурсивный жанр, новостной дискурс, медиажанр, медиадискурс, дискурсивные практики.

Для цитирования: Иванова С.В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.13301

NEWS AS A GENRE OF DISCOURSE: A NON-MISSING STRUCTURE

S.V. Ivanova

Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russian Federation

 s.ivanova@lengu.ru

Abstract. The article refers to the news text type, the genre status of which, if not contradictory, is quite difficult to determine, which explains certain differences in approaches to its study. News does not constitute a single genre from the point of view of journalism due to a whole complex of factors, including the ambiguity of the nature of news as a media text in addition to differences in the research methods. Nevertheless, a layperson identifies the distinctive features of this media product, which raises the question of the status of news as a single text type. The purpose of this article is to substantiate the status of the media product “news” as a genre of discourse. The hypothesis of the research is the understanding of the expediency of using the combination of genre and discursive approaches. Considering news as a genre of discourse, i.e., a genre (the content of a media product) that forms a discourse (the unity of the linguistic form, events and actions) and exists in various discursive formats (the structure of a media product), seems productive for the analysis of media texts under study. The heuristic potential of the term “genre of discourse” makes it possible to describe the specificity of this media product. Thus, the features of the content side of the text are taken into account, expressed at the level of rendering factual (what, when, where and to who something happened) and conceptual (what is the social message of this event) information, and its structural characteristics, expressed in various formats of information transfer. The research is based on a discourse analysis approach that prioritizes participants’ social cognition in news communication and the discursive practices involved in it, the theory of genres in the Bakhtin understanding, the types of information of the text according to I.R. Galperin. The material of the study was the author’s selection of news texts from the mass media in the UK and the USA in the period from 2019 to 2022 in both “paper” and electronic forms. The study involved methods of observation, interpretive analysis of texts, the method of keywords in the analysis of types of information according to I.R. Galperin.

Keywords: genre of discourse, news discourse, media genre, media discourse, discursive practices.

Citation: S.V. Ivanova, News as a genre of discourse: A non-missing structure, *Terra Linguistica*, 13 (3) (2022) 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.13301

Введение. Постановка проблемы

Интерес к вопросу определения статуса новости не теряет своей актуальности, поскольку данный текстотип представляет собой архетипичный продукт журналистики [16, с. 1], который безошибочно распознается профанным сознанием среди других медиатекстов, это тот медиапродукт, ради которого в большинстве случаев осуществляется обращение к средствам массовой информации. Вместе с тем, именно в журналистских классификациях новость не имеет статуса самостоятельного жанра (см. например [8]), что представляется явным и очевидным противоречием между существованием некоего прототипа в сознании потребителя медиа, с одной стороны, и, с другой, невыделенностью данного текстотипа в профессионально ориентированных классификациях журналистских жанров. Соответственно, с неизбежностью встает вопрос, к которому обращается не одно поколение исследователей массмедиа: каков оптимальный подход к определению статуса новости? Можно ли все же утверждать, что новость как текст, то есть законченное смысловое единство, коммуникативная цель которого состоит в сообщении некой новой информации, имеет самостоятельный статус? И, в случае если все же новость приобретает этот статус,

то каков он? Чем он обосновывается и регламентируется? Именно эти вопросы определяют исследовательскую направленность и структуру настоящей публикации.

Поставленный вопрос достаточно остро стоит на повестке дня в современных исследованиях массмедиа – его ставят медиалингвисты, журналисты, жанроведы, дискуртологи. Исследователи как бы «примеряют» возможность решения данной проблемы с точки зрения различных парадигм, о чем свидетельствуют попытки осветить его с разных ракурсов.

➤ С когнитивно-лингвистической точки зрения новость можно представить в виде *фрейма* [18, с. 1], так как данный текст предполагает наличие обязательных структурно-смысловых компонентов: что, где, когда произошло, кто принимал участие, почему произошло [3].

➤ Новость можно понимать как профанную замену того, что профессионально именуется гиперонимом *информационные жанры*, который, в свою очередь, распадается на подвиды (см. классификацию в [8]).

➤ Функционально-прагматический подход, согласно которому жанры выделяются исходя из интенции адресанта [2, с. 23–24], позволяет выделить новость как жанр, поскольку в таком случае действует принцип: «типичная коммуникативная ситуация порождает типовую речевую структуру» [5, с. 34].

➤ С точки зрения дискурсивной лингвистики новостные тексты могут образовывать *дискурс*, который трактуется как трехмерное образование, объединяющее текст, дискурсивные практики и практики социальные [20; 19; 13; 17; 12]. Таким образом, новостной дискурс – это вербализованный способ взаимодействия адресата и адресанта, направленный на передачу и получение новостного сообщения, то есть информирование о недавних или свежих событиях. Именно поэтому М. Менчер уточняет, что новость – это товар быстро портящийся (*perishable commodity*) [14, с. 57].

Действительно, с одной стороны, природа и многомерный характер новости позволяют приоритизировать ее различные свойства, а, с другой стороны, возможности существующих лингвистических парадигм позволяют по-разному трактовать эту многомерность. Представляется, что, несмотря на определенные ограничения, каждый из перечисленных выше подходов к определению статуса новости как объекта анализа имеет право на существование. На самом деле, новость можно понимать как собирательное именование информационных жанров, поскольку все новостные материалы нацелены на информирование о событиях. Так, Мартин Монтгомери даже называет новость публичным жанром (*public genre*), поскольку публика знает и понимает, что такое новость: последняя укладывается в рамки, если воспользоваться языком Ц. Тодорова, «горизонта ожидания» адресата. Адресат знает, что такое новость, и в силах предвосхитить новостное сообщение, он моментально узнает его, когда встречает подобное сообщение в своей читательской практике. Это медиатекст, в котором сообщается о том, что кто-то что-то где-то в какое-то время и по какой-то причине сделал (*who, what, when, where, why*), то есть можно смело говорить о довольно строгой прототипической структуре текста «новость», который к тому же, по замечанию ряда исследователей [4, с. 52], оформлен в официально-деловом стиле и характеризуется относительной краткостью. Именно это понимание заложено в трактовку новости как типа текста, и оно определяется ее структурно-содержательным наполнением и специфическим вербальным оформлением. Вместе с тем, новостные сообщения реализуются посредством целой серии разновидностей текстов (подтипов), которые включают короткую новость, расширенную заметку, интервью, репортаж (необходимо подчеркнуть, что данный перечень варьируется и по причине различных точек зрения, которые занимают индивидуальные исследователи или целые исследовательские школы, и также может быть обусловлен национально-культурными традициями журналистской практики [1, с. 112]). И в таком истолковании новость как текст теряет статус единого жанра – она исчезает, трансформируясь в различные форматы, получившие именование журналистских жанров [8].

Вместе с тем, в современных работах по медиажанрам прозвучала точка зрения, базирующаяся на достижениях дискурсивной лингвистики и жанроведения, которая, как представляется, могла бы способствовать оптимальному решению вопроса о жанровом статусе новости. Суть данного подхода в том, что новость как медиапродукт следует трактовать не просто как жанр или дискурс, но как жанр дискурсивный [16]. Несмотря на то, что данный термин появился в работе М. Монтомери в 2007 году, он по каким-то причинам остается в исследовательской тени. Вместе с тем, представляется, что предлагаемый термин достоин того, чтобы быть запущенным в широкий научный оборот в силу его аналитико-эвристического потенциала. Цель настоящей статьи состоит в обосновании эвристичности понятия дискурсивного жанра применительно к новостному сообщению. Обоснование эвристичности предполагает выделение исследовательских возможностей и, в целом, продуктивности использования данного понятия при анализе новостей как самостоятельного медиапродукта.

**Дискурсивный жанр как инструмент анализа:
концептуально-теоретическое обоснование понятия**

Оперирование термином «дискурсивный жанр» по отношению к новости сводит воедино три понятия «дискурс», «жанр» и «новость». Исследование новости как медиапродукта прежде всего возвращает нас к классическим в этой сфере работам ван Дейка, который определяет новость как дискурс [20]. При этом дискурс трактуется как «язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст» [10]. Подобный ракурс изучения нацелен на то, чтобы установить дискурсивные механизмы, которые управляют формированием новостного дискурса. При этом под новостным дискурсом следует понимать совокупность текстов, направленных на информирование о событии. Таким образом, дискурсивный подход позволяет (1) анализировать язык в его употреблении; (2) акцентировать внимание на субъекте формирования данного типа текста, его взаимодействии с объектом и адресатом, ибо дискурс – это способ взаимодействия; (3) определить паттерны, которые оказываются задействованными при передаче сообщения, их следование и взаимодействие друг с другом, а также их социальную значимость.

Тем не менее, новостной дискурс не позволяет нам разрешить задачу выделения прототипа новостного текста, который, несомненно, существует, свидетельством чего является существование такового в профанном сознании. Понятие дискурса акцентирует совокупность языковых и социокультурных аспектов.

Следующий базовый термин, который используется при анализе новостей, – это жанр. Как было отмечено выше, в журналистской практике отсутствует жанр «новость», но есть понятие информационных жанров. Экстраполируя метафору У. Эко, новость предстает некоей отсутствующей структурой. Представляется, что такое решение идет вразрез с реальностью. Медиапользователь знает, что такое новость, и данный факт отвечает принципам метапрагматического подхода [7, с. 110], акцентирующего рефлексии языкового коллектива относительно языковых форм с его вниманием к социальным маркерам. Согласно метапрагматическому подходу, жанр – это то, что коммуникант с текстом «делает» и «кем» он в коммуникативном событии предстает [15, с. 90]. Пользователи языка имеют в своем распоряжении жанровые ключи (*genre cues*), то есть контекстные ключи, которые «намекают» пользователю на жанр текста [15, с. 94]. Все это еще раз доказывает, что имеются все основания использовать термин «жанр» по отношению к новостным текстам разного формата.

И, наконец, необходимо обратиться к определению самой новости. В общем употреблении новость – это «только что, недавно полученное сообщение, известие» или «то, что является новым, ранее неизвестным» [21, с. 654]. Оксфордский словарь определяет новость как новую или свежую информацию, репортаж о недавних событиях («new or fresh information; report(s) of recent

events¹ [22, с. 781]). В обыденном понимании новость — это то, что ново, свежо с точки зрения времени получения или то, что было неизвестно доселе.

Отдавая дань интуитивному пониманию новости, тем не менее, важно отметить, что новость представляет собой сложный объект анализа. В своем практико-ориентированном труде, написанном для обучения журналистов, Мелвин Менчер приводит различные определения новости, начиная с Пулитцера («a mixture of information, entertainment and public service» [14, с. 55] / смесь информации, развлечения и общественного служения), Чарльза Андерсона Даны («news is “anything that interests a large part of the community and has never been brought to its attention before» [14, с. 55] / новость — это все, что интересует большую часть общества и что не было предъявлено их вниманию прежде) и заканчивая современным пониманием новости: новость — это информация о нарушении или прерывании естественного или ожидаемого хода событий, отклонение от нормы. Новость — это информация, которую люди могут использовать для того, чтобы принять разумные решения, касающиеся их жизни («News is information about a break from the normal flow of events, an interruption in the expected, a deviation from the norm. News is information people can use to help them make sound decisions about their lives.» [14, с. 56]).

Таким образом, особый акцент ставится на социальном звучании новости, что подчеркивает специфику данного типа текста, с одной стороны, а с другой, уже со стороны новости как социального явления объясняет возможность ее отнесения к дискурсивным образованиям.

По мнению М. Монтгомери, новость — это информация о текущих или недавних событиях, происшествиях или изменениях, которые имеют быть вне поля зрения аудитории, но которые возможно рассматривать как то, что обладает важностью или составляет вероятный интерес для аудитории («news can be defined as information about current or recent events, happenings or changes taking place outside the immediate purview of the audience and which is considered to be of likely interest or concern to them» [16, с. 4]). Примерно в этом же ключе рассуждает о новости В.И. Тюпа: «изменение ситуации, не обладающее для субъекта интереса никакой определенной значимостью, не служит для него новостью» [9, с. 43].

Совершенно очевидно, новость — это не обязательно что-то новое, и новое не обязательно становится новостью. Как отмечают зарубежные исследователи новостей, новость направлена на поддержание реальности в порядке, в рабочем состоянии («news, like conversation, is a form of reality maintenance» [16, с. 4]). Новость поддерживает состояние этого мира, подтверждая незыблемость того, что окружает человека. Она очерчивает границы своего и чужого мира, когда в своем мире все хорошо, а в чужом происходят непостижимые уму события.

Подводя итог, можно сказать, что новость — это информация о текущих или недавних событиях, которые свидетельствуют об изменениях, являющихся или могущих оказаться важными для аудитории (социальный аспект), которые должны подчеркивать стабильность своего и злославленную природу чужого; на основе новостей можно принять важные решения о жизни.

Наконец, третья составляющая — понятие жанра. Как известно, в концепции М.М. Бахтина — это совокупность композиционных форм, тематической направленности и языкового оформления. Придание жанру дискурсивного статуса при изучении новости позволяет интегрировать в эту проверенную временем и многочисленными исследованиями систему социокультурные аспекты, которые находят свою манифестацию в дискурсивных практиках, нацеленных на закрепление определенных позиций участников коммуникативного события. В этом отношении нелишне напомнить, что дискурсивная практика есть продолжение практики социальной, то есть ее вербализованный аналог [11, с. 178]).

Рассматривая новость в статусе дискурсивного жанра, исследователь может работать как с традиционным новостным сообщением (то, что читателю известно по бумажным изданиям), так и с новостями в онлайн-редакции. Несмотря на то, что электронная версия текста имеет возмож-

¹ Здесь и далее перевод автора — С.В.И.

ность расширения через гиперссылки, комментарии, новостную ленту, новость, хотя и приобретает различные форматы (в данном случае имеется в виду структура медиапродукта [6]), укладывается в рамки прототипа, известного потребителю медиапродукции.

Приводя к единому знаменателю все три рассмотренных понятия, можно констатировать, что определение статуса новости как дискурсивного жанра позволяет свести воедино содержательный аспект данного типа текста (новость как медиапродукт, нацеленный на передачу социально-важной информации, характеризующейся новизной), его социальную природу (дискурс и дискурсивные практики) и метапрагматические характеристики (жанровый канон новостного сообщения). Использование понятия «дискурсивный жанр» по отношению к новости дает возможность исследователю работать и с текстом новостного сообщения, исследуя его языковые проявления, содержательную специфику и композиционные особенности, которые в совокупности определяют жанр, или текстотип, и с дискурсом, который позволяет посмотреть на взаимодействие текстов, составляющих новостной дискурс [16, с. 246], а также проанализировать взаимодействие участников новостной коммуникации, остановившись на социальных и, соответственно, дискурсивных практиках. При этом дискурсивный жанр позволяет собрать воедино разноформатные новостные тексты, объединив их содержательно и структурно, поскольку все они воплощают новость как тип сообщения.

Заключение

Таким образом, понятие дискурсивного жанра обладает необходимой эвристичностью при анализе текстов новостей как в бумажном, так и в онлайн-формате. Понятие дискурсивного жанра сводит воедино жанр (содержательное наполнение медиапродукта), образующий дискурс (единство языковой формы, события и действия), который существует в различных дискурсивных форматах (структура медиапродукта). Эвристический потенциал термина «дискурсивный жанр» позволяет полностью учесть и описать специфику новости как медиапродукта, поскольку данный статус и «схватывающий» его концептуальное содержание термин дает возможность выделить особенности контента текста, что находит выражение на уровне передачи фактуальной (что, когда, где и с кем произошло) и концептуальной (каков социальный посыл данного события) информации, и передается его структурными характеристиками, соотносящимися с различными форматами передачи информации.

Есть все основания полагать, что термин «дискурсивный жанр» имеет большой эвристический потенциал, что позволит экстраполировать его и на другие типы дискурсов и жанров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дементьев В.В. Жанры речи и дискурс: место жанроведческих исследований в парадигме дискурс-анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 103–121.
2. Дускаева Л.Р. Типология речевых жанров журналистского дискурса // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой. Отв. ред. Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. С. 21–24.
3. Иванова С.В. Новость как когнитивно-дискурсивное образование // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 81–85.
4. Клушина Н.И. и др. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета / Н.И. Клушина, Н.В. Смирнова, Л.Т. Касперова, М.В. Иванова, С.Ф. Барышева // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 50–54. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10134
5. Коньков В.И. Принципы классификации газетных жанров: острова стабильности // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа: сб. статей / под ред. Л.Р. Дускаевой. Отв. ред.

- Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. С. 32–35.
6. **Лашук О.Р.** Термин “формат” в массовой коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 36–41.
 7. **Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е.** Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
 8. **Тертычный А.А.** Аналитическая журналистика. М.: Аспект Пресс, 2013. 352 с.
 9. **Тюпа В.И.** Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 40–51.
 10. **Философия: Энциклопедический словарь.** М.: Гардарики / Под редакцией А.А. Ивина. 2004. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337/ (дата обращения 04/02/2019).
 11. **Шилихина К.М.** Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 177–182.
 12. **Bilá M., Ivanova S.V.** Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. 24 (2) 219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252
 13. **Fairclough N.** *Discourse and Social Change*. Cambridge: Cambridge Polity Press, 1992. [VII], 259 p.
 14. **Mencher M.** *News Reporting and Writing*. Twelfth edition. Columbia University. N.Y.: McGraw-Hill, 2011. XX, 618 p.
 15. **Molodychenko E.N., Spitzmüller J.** Metapragmatics and genre: Connecting the strands // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. 25 (1) 89–104. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104
 16. **Montgomery M.** *The Discourse of Broadcast News. A linguistic approach*. London and New York: Routledge, 2007. XVII, 265 p.
 17. **Ponton D., Larina T.** Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I) // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. 20 (4). Pp. 7–25.
 18. **Tuchman G., Tuchman B.W.** *Making news: a study in the construction of reality*. Vol. 3. Free Press, 1978. 244 p.
 19. **van Dijk T.A.** Ideology and discourse analysis // *Journal of Political Ideologies*, Routledge. 2006. 11 (2) 115–140.
 20. **van Dijk T.A.** *News as discourse*. Hillsdale, New Jersey Hove and London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1988. [VIII], 200 p.
 21. **Большой толковый словарь русского языка** / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
 22. **Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English** / Ed. J. Crowther. Oxford University Press, 1999. [X], 1428 p.

REFERENCES

- [1] **V. Demytyev**, Zhanry rechi i diskurs: mesto zhanrovedcheskikh issledovaniy v paradigme diskurs-analiza [Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm], *Russian Journal of Linguistics*. 20 (4) (2016), 103–121.
- [2] **L.R. Duskaeva**, Tipologiya rechevykh zhanrov zhurnalistskogo diskursa [Typology of speech genres of journalistic discourse], *Medialinguistics*, Issue 3, Speech genres in mass media: Col. articles / ed. L.R. Duskaeva, N.S. Tsvetova, SPb: St. Petersburg. State University, In-t “Higher. school magazine and mass. communications”. 2014, pp. 21–24.
- [3] **S.V. Ivanova**, Novost' kak kognitivno-diskursivnoye obrazovaniye [News as a cognitive discursive entity], *Cognitive research of language*. № 2 (41) (2020) 81–85.
- [4] **N.I. Klushina**, Setevyye zhanry: novost i kommentariy v prostranstve Interneta [Internet Genres: News and Commentary in the World Wide Web] / N.I. Klushina, N.V. Smirnova, L.T. Kasperova, M.V. Ivanova, S.F. Barysheva. *Upper Volga Philological Bulletin*. № 3 (2018) 50–54. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10134

[5] **V.I. Kon'kov**, Printsipy klassifikatsii gazetnykh zhanrov: ostrova stabil'nosti [Principles of classification of newspaper genres: islands of stability], *Medialinguistics*, Iss. 3, Speech genres in mass media: Col. articles / ed. L.R. Duskaeva, N.S. Tsvetova, SPb.: St. Petersburg. State University, In-t "Higher. school magazine and mass. communications". 2014, pp. 32–35.

[6] **O.R. Lashchuk**, Termin "format" v massovoy kommunikatsii [The term "format" in mass communication], *Vestn. Moscow university, Ser. 10 Journalism*. No. 6 (2010) 36–41.

[7] **E.N. Molodychenko, V.E. Chernyavskaya**, Sotsial'naya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i diskursivnogo analiza [Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis], *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 19 (1) (2022) 103–124. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106> (In Russian).

[8] **A.A. Tertychnyy**, *Analiticheskaya zhurnalistika* [Analytical journalism], M.: Aspekt Press, 2013. 352 p.

[9] **V.I. Tyupa**, Novostnoy diskurs kak narratologicheskaya problema [News discourse as a narratological problem], *New Philological Bulletin*. No. 3 (42) (2017) 40–51.

[10] *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary], Edited by A.A. Ivin, M.: Gardariki, 2004. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337/ (accessed 04/02/2019)

[11] **K.M. Shilikhina**, Ironiya v politicheskom dialoge [Irony in political dialogue], *Political Linguistics*. No. 4 (2011) 177–182.

[12] **M. Bilá, S.V. Ivanova**, Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (2) (2020) 219–252. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252

[13] **N. Fairclough**, *Discourse and Social Change*. Cambridge: Cambridge Polity Press, 1992. VII, 259 p.

[14] **M. Mencher**, *News Reporting and Writing*. Twelfth edition. Columbia University. N.Y.: McGraw-Hill, 2011. XX, 618 p.

[15] **E.N. Molodychenko, J. Spitzmüller**, Metapragmatics and genre: Connecting the strands // *Russian Journal of Linguistics*. 25 (1) (2021) 89–104. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-89-104

[16] **M. Montgomery**, *The Discourse of Broadcast News. A linguistic approach*. London and New York: Routledge, 2007. XVII, 265 p.

[17] **D. Ponton, T. Larina**, *Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (I)*, *Russian Journal of Linguistics*. 20 (4) (2016) 7–25.

[18] **G. Tuchman, B.W. Tuchman**, *Making news: a study in the construction of reality*. Vol. 3. Free Press, 1978. 244 p.

[19] **T. A. van Dijk**, *Ideology and discourse analysis*, *Journal of Political Ideologies*. Routledge. 11 (2) (2006) 115–140.

[20] **T.A. van Dijk**, *News as discourse*. Hillsdale, New Jersey Hove and London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1988. VIII, 200 p.

[21] *Big explanatory dictionary of the Russian language*, ed. S.A. Kuznetsov, SPb.: Norint, 2000. 1536 p.

[22] *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, ed. J. Crowther, Oxford University Press, 1999. X, 1428 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Иванова Светлана Викторовна

Svetlana V. Ivanova

E-mail: svet_victoria@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0127-9934>

Поступила: 07.09.2022; Одобрена: 30.09.2022; Принята: 04.10.2022.

Submitted: 07.09.2022; Approved: 30.09.2022; Accepted: 04.10.2022.

Научная статья

УДК 81`42 + 811.111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13302>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГИПЕРТЕКСТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

Е.С. Клочкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 klochkova_es@spbstu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу воздействия процессов цифровизации в научной коммуникации на изменения жанровой структуры научной статьи. В интернет-пространстве жанр научной статьи приобретает гипертекстовую реализацию, что приводит к изменению его коммуникативно-функционального потенциала. Цель работы заключается в описании и анализе коммуникативно-функционального потенциала гипертекстовых элементов жанра электронной научной статьи, представленной в международных научных журналах на английском языке. На материале онлайн-версий научных статей, представленных на веб-сайтах ведущих международных научных журналов, выявляются гипертекстовые элементы, которые являются относительно постоянными элементами цифровой версии научной статьи. Опираясь на методику функционально-прагматического анализа, автор определяет следующие функции гипертекстовых элементов: 1) технологическая фиксация жанровой структуры научной статьи; 2) эффективная организация мультимодальной (гетеросемиотической) информации; 3) интеграция научной статьи в дискурсивное пространство научно-исследовательской экспертной коммуникации; 4) интеграция научной статьи в медийное интернет-пространство, что отражает современные тенденции к включению научного знания в широкий социальный контекст.

Ключевые слова: научная статья, научная коммуникация, электронный гипертекст, интернет-коммуникация, жанровая структура.

Для цитирования: Клочкова Е.С. Функционально-коммуникативный потенциал гипертекстовых элементов в англоязычной научной статье // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 15–22. DOI: 10.18721/JHSS.13302

COMMUNICATIVE POTENTIAL OF HYPERTEXTUAL ELEMENTS IN A RESEARCH PAPER

Ye.S. Klochkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

 klochkova_es@spbstu.ru

Abstract. The paper presents the analysis of the impact of digitalization processes occurring in research communication on the changes in the genre features of a research paper. A web-version of a research paper is usually presented as a hypertext structure, which leads to certain changes of the communicative and functional potential of this genre. The study uses online versions of research papers and review articles presented on the websites of leading international academic journals to identify the hypertext elements, which can be considered as relatively constant components of the digital version of a research paper. On the basis of the functional-pragmatic analysis, the author defines the following functions of the hypertext elements in a research paper: 1) technological entrenchment of the genre structure of a research paper; 2) effective organization of multimodal information; 3) integration of a research paper into the discursive domain of research expert communication; 4) integration of a research paper into media communication.

Keywords: research paper, scientific communication, electronic hypertext, Internet communication, genre structure.

Citation: Ye.S. Klochkova, Communicative potential of hypertextual elements in a research paper, *Terra Linguistica*, 13 (3) (2022) 15–22. DOI: 10.18721/JHSS.13302

Введение

Количество и скорость появления новых научных публикаций стремительно возрастают. Согласно ряду исследований, начиная с 2010 г. каждый год в свет выходит более 7 млн. научных статей и увеличение их количества происходит экспоненциально [1, 2]. Большая часть опубликованных статей имеет электронную версию в сети Интернет либо первоначально издается в электронном формате. Недавняя пандемия лишь ускорила процесс цифровой трансформации научно-исследовательской деятельности, в том числе в сфере коммуникации, для которой уже привычными стали такие формы коммуникативного взаимодействия исследователей как онлайн-формат научных конференций, общение в профессиональных социальных сетях (ResearchGate, Academia.edu), электронный формат публикаций в рецензируемых научных журналах и т.п.

Перенос научной коммуникации в интернет-пространство стал причиной появления новых дискурсивных практик, таких как дискуссии исследователей в социальных сетях, которые стали предметом обсуждения в ряде работ по лингвистике компьютерно-опосредованной коммуникации и социологии науки [3–7]. Однако и традиционные жанры научного текста трансформируются под воздействием новой виртуальной среды общения, которая, с одной стороны, предоставляет ряд новых технологических возможностей для структурирования текстовой и мультимедальной информации, а, с другой стороны, «склоняет» авторов научного текста к адаптации этого текста к определенному формату такого структурирования.

Процесс цифровой трансформации жанра научной статьи, который непосредственно связан с появлением и последовательной гипертекстуализацией html-версии статьи, начался примерно в 2010 г. с переходом научных журналов на онлайн-формат и продолжается до сегодняшнего дня, так как репертуар гипертекстовых элементов электронных научных публикаций постоянно пополняется дополнительными элементами, предоставляя пользователям новый инструмента-

рий. В связи с такой цифровой трансформацией жанровая структура научной статьи изменяется и пополняется новыми элементами, однако описание таких изменений и связанных с ними новых функционально-коммуникативных возможностей достаточно фрагментарно [8, с. 9–10, 9], что объясняется, прежде всего, динамичностью самого явления, так как гибкая гипертекстовая структура легко адаптируется к реализации новых функций. В связи с обозначенной проблемой *исследовательский вопрос*, которому посвящена данная работа, можно сформулировать следующим образом: каким образом цифровая трансформация жанра научной статьи меняет и дополняет его функционально-коммуникативный потенциал. Таким образом, *цель* предлагаемой работы заключается в описании и анализе коммуникативно-функционального потенциала гипертекстовых элементов жанра электронной научной статьи, представленной в международных научных журналах на английском языке.

Методы и материал исследования

В качестве материала исследования были выбраны англоязычные научные статьи, опубликованные в ведущих международных научных рецензируемых журналах *Quarterly Journal of Economics*, *Cell*, *The Lancet* и *Academy of Management Annals*, которые входят в список 10 самых высокорейтинговых научных журналов. Кроме того, материалом послужили англоязычные статьи из различных международных рецензируемых научных журналов издательства Elsevier, которые представлены в полнотекстовой базе данных ScienceDirect. Веб-версии всех изученных статей представлены на веб-страницах соответствующих журналов и находятся в открытом доступе [10–14].

Процедура анализа материала включала два этапа. На первом этапе проводился детальный анализ гипертекстовой структуры веб-страницы, содержащей электронную версию статьи с целью выявления и систематизации гипертекстовых структурных элементов. Гипертекстовые структурные элементы представляют собой информационные блоки (узлы), а также связывающие их гиперссылки, обеспечивающие переход от одного информационного блока к другому. Информационные блоки являются минимально значимыми единицами электронного гипертекста и могут содержать как вербальные (текст), так и мультимодальные (гетеросемиотические) элементы (изображения, аудио, видео). [15; 16, с. 48–51; 17].

На втором этапе исследования проводился функционально-прагматический анализ, целью которого было определение смыслового содержания и прагматической функции выделенных гипертекстовых элементов.

Результаты исследования

Перенос научной коммуникации в интернет-пространство и цифровая трансформация жанра англоязычной научной статьи сопровождаются рядом изменений и появлением новых функционально-коммуникативных характеристик, а также связанных с ними прагматических функций, реализуемых в тексте научной статьи.

Прежде всего, гипертекстовая структура обеспечивает функцию *технологической фиксации жанровой структуры научной статьи*. Электронная версия англоязычной научной статьи (html-версия) содержит панель со списком гиперссылок, обеспечивающих быструю навигацию по разделам статьи и отражающих достаточно детальный перечень содержательных блоков статьи (рис. 1).

Такой панелью снабжены статьи во всех проанализированных источниках, включенных в материал исследования. Как правило, этот перечень является одним из блоков так называемого «гиперкаркаса» сайта, под которым понимают обязательный структурный элемент гипертекста веб-страницы, создающий фиксированную и стандартизированную «рамку» для размещения информационных блоков [18, с. 133].

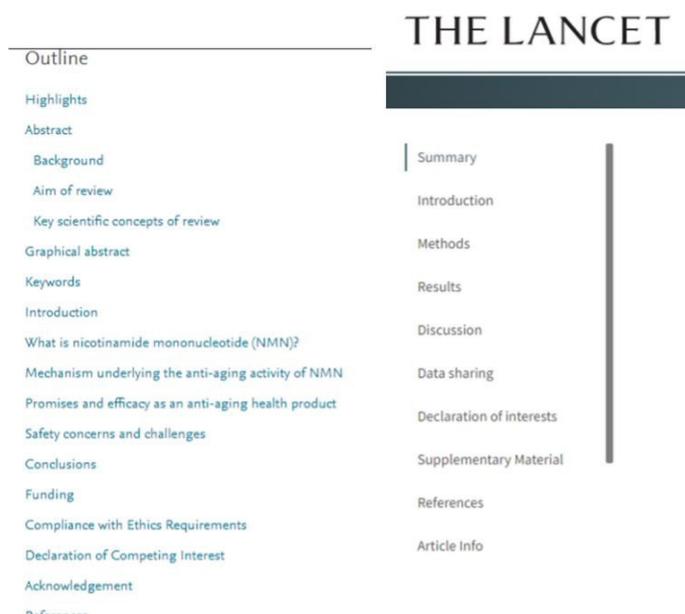

Рис. 1. Примеры блоков гиперссылок с перечнем композиционных частей научной статьи
Fig. 1. Examples of hyperlink blocks with a list of compositional parts of a scientific article

Указанный перечень гиперссылок фиксирует не только содержательные части самой статьи, но и паратекстовые элементы, сопровождающие основной текст (Highlights, Abstract, Keywords, Acknowledgements, Declaration of Interests). Таким образом, сам шаблон цифровой версии (html-версии) научной статьи задает и фиксирует композиционную структуру этого жанра. Таакая фиксация оптимизирует как процесс написания, так и прочтения статьи. С одной стороны, эксплицитно выраженная структура дает потенциальным авторам представление о необходимой композиционной организации статьи. С другой стороны, она же оптимизирует процесс чтения, так как читатель может самостоятельно задавать нелинейный путь прочтения, выбирая только те разделы статьи, которые ему интересны, либо ограничиваясь прочтением аннотации (Abstract) и таких относительно новых паратекстовых элементов как Highlights (Ключевые пункты) и Graphical Abstract (графическая аннотация).

Другим обязательным гипертекстовым блоком является список источников (References), который в цифровой версии научной статьи снабжается гиперссылками с указанием на те наукометрические базы, в которых индексирован данный источник (рис. 2).

Переходя по гиперссылке, читатель переходит к информационному блоку, которая содержит метаданные или сам текст источника в зависимости от условий доступа. Таким образом, интертекстуальные отсылки в тексте научной статьи получают техническую реализацию в виде гипертекстовой структуры, встраивая «внешний» текст в гипертекстовое пространство статьи. Этот процесс можно рассматривать как *размывание границы между интертекстом и гипертекстом*.

С другой же стороны, прямые гиперссылки, обеспечивающие возможность доступа к текстам-источникам, включают научную статью в широкий дискурсивный контекст обсуждения данной проблемы. Той же цели служит блок гиперссылок, указывающих на работы, которые цитировали исходную научную статью (рубрика Cited by), а также раздел Related Articles / Recommended Articles / Linked Articles (названия варьируются в зависимости от издания), который содержит гиперссылки на схожие статьи по той же научной проблеме.

Еще одной функцией, которая выполняется гипертекстовой организацией статьи является *эффективная организация гетеросемиотической информации*. Научные статьи, особенно в естествен-

References

1. Agullera-Castrejon A. • Oldak B. • Shani T. • Ghanem N. • Itzkovich C. • Slomovich S. • Tarazi S. • Bayerl J. • Chugaeva V. • Ayyash M. • et al.
Ex utero mouse embryogenesis from pre-gastrulation to late organogenesis.
Nature. 2021; **593**: 119-124
<https://doi.org/10.1038/s41586-021-03416-3>
View in Article ^
[Scopus \(37\)](#) • [PubMed](#) • [Crossref](#) • [Google Scholar](#)

Рис. 2. Гипертекстовое библиографическое оформление источника

Fig. 2. Hypertext bibliographic design of the source

Рис. 3. Гипертекстовый блок метрик научной статьи

Fig. 3. Hypertext block of metrics of a scientific article

нонаучных и технических областях знания, часто сопровождаются графическими элементами, такими как схемы, диаграммы, графики, рисунки и т.п. В цифровой версии статьи графические элементы вынесены в отдельный блок гиперссылок, при переходе по которым читатель может увидеть развернутое изображение, которое в масштабе целой страницы может быть недостаточно большим и таким образом затруднять процесс чтения.

Обязательным элементом цифровой версии научной статьи являются метрики, которые отражают информацию о том, как читатели взаимодействуют с текстом статьи (рис. 3). Метрики можно условно разделить на две группы – метрики, которые показывают восприятие публикации профессиональным сообществом, и метрики, которые показывают восприятие публикации в медиaprостранстве, то есть широкой общественностью. Первая группа метрик не только указывает количество прямых цитирований (рубрика Citations), но и обозначает уровень интереса к данной статье, что отражается в количестве просмотров, добавления в закладки (рубрики Readers, Captures) и т.п. Иными словами, такие метрики *отражают степень интеграции данного научного текста в дискурсивное пространство экспертного сообщества.*

Вторая группа метрик включает количество упоминаний публикации в новостных сообщениях, блогах, сообщениях в социальных сетях, а также количество комментариев, лайков и репостов

статьи. Подобная информация отражает социальное измерение научно-исследовательской деятельности и *представляет статью как часть общего медийного интернет-пространства*, доступного широкой общественности.

Заключение

В задачи данной работы входил анализ гипертекстовой структуры цифровой версии научной статьи с целью ответить на исследовательский вопрос, каким образом цифровая трансформация жанра научной статьи меняет и дополняет его функционально-коммуникативный потенциал. Для ответа на поставленный вопрос были изучены цифровые версии (html-версии) научных статей, представленных на веб-сайтах ряда ведущих рецензируемых научных журналов, выявлены гипертекстовые элементы научной статьи и определены те коммуникативно-прагматические функции, которые реализуются с их помощью.

Гипертекстовая организация научной статьи обеспечивает, во-первых, технологическую фиксацию жанровой структуры статьи, указывая те смысловые и паратекстовые блоки, которые представляются как необходимые элементы жанра. Вместе с тем, экспликация структуры статьи в виде отдельного навигационного меню оптимизирует процесс чтения, обеспечивая возможность нелинейного и выборочного прочтения частей статьи.

Для оптимизации процесса чтения и эффективной организации мультимодальной (гетеросемiotической) информации служат и гипертекстовые блоки, содержащие графические элементы статьи (графики, диаграммы, рисунки и т.п.). Мы полагаем, что выделение таких элементов в отдельный блок свидетельствует о возросшей роли визуализации в научно-исследовательской коммуникации. Это предположение дополнительно подтверждается наличием такого нового паратекстового элемента как графическая аннотация (Graphical Abstract), представляющего собой визуальную «сумму» основных результатов исследования, представленного в статье.

Во-вторых, гипертекстовая организация жанра научной статьи обеспечивает технологическую возможность непосредственной интеграции научной статьи в широкий дискурсивный контекст обсуждения определенной научной проблемы. Используя систему гиперссылок, читатель может ознакомиться с работами из списка источников, работами по той же конкретной проблематике, что и исходная статья, работами по смежной проблематике и т.д. Легкость перехода от исходной статьи к статье из списка источников размывает границы между интертекстом и гипертекстом, создавая тем самым единую «сеть» текстов по одной теме и интегрируя исходную научную статью в широкое дискурсивное пространство экспертного сообщества.

В-третьих, отражая современные тенденции к интеграции научного знания в широкий социальных контекст, гипертекстовый блок метрик с указанием количества упоминаний статьи в интернет-блогах, новостных сообщениях, социальных сетях и возможность репоста статьи (кнопка Share) обеспечивает интеграцию данного научного текста в медийное интернет-пространство и доступ к ней широкой публики. Кроме того, блок метрик отражает восприятие статьи как профессиональным научным сообществом, так и публикой, что реализуется при помощи метрик, указывающих количество комментариев, лайков и репостов статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Fire M., Guestrin C.** Over-optimization of academic publishing metrics: observing Goodhart's Law in action. *GigaScience*, Vol. 8, Iss. 6, June 2019, giz053. DOI: 10.1093/gigascience/giz053
2. **Gou Z., Meng F., Chinchilla-Rodríguez Z. et al.** Encoding the citation life-cycle: the operationalization of a literature-aging conceptual model. *Scientometrics*. 2022. No. 127. pp. 5027–5052. DOI: 10.1007/s11192-022-04437-z

3. **Demata M., Heaney D., Herring S.** Introduction // Language and Discourse of Social Media. New Challenges, New Approaches. Special issue of *Altre Modernita*. 2018. pp. 1–10.
4. **Шибаршина С.В.** Социальные сети для ученых: новая форма социальности? // Эпистемология и философия науки 2019. Т. 56. № 4. С. 21–28. DOI: 10.5840/eps201956463
5. **Душина С.А., Хватова Т.Ю., Николаенко Г.А.** Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 121–131. DOI: 10.7868/S0132162518050112
6. **Цуркан Е.Г.** Культурные вызовы глобальной сети Интернет // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 116–128. DOI: 10.5840/dspl20181450
7. **Дементьев В.В.** Жанры новых сфер общения // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: монография / отв. ред. О.С. Иссерс. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 19–37.
8. **Пешкова Н.П.** Гипертекст в научной и профессиональной коммуникации // Организационная психоллингвистика. 2019. № 3 (7). С. 9–24.
9. **Fitzgibbons M.** Implications of Hypertext Theory for the Reading, Organization, and Retrieval of Information. *Library Philosophy and Practice*. 2008. 170. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/170> (дата обращения: 25.09.2022).
10. *Academy of Management Annals*. URL: <https://aom.org/research/journals/annals> (дата обращения: 25.09.2022).
11. *The Quarterly Journal of Economics*. URL: <https://academic.oup.com/qje> (дата обращения: 25.09.2022).
12. *Cell*. URL: <https://www.cell.com/cell/home> (дата обращения: 25.09.2022).
13. *The Lancet*. URL: <https://www.thelancet.com/journals/lancet/home> (дата обращения: 25.09.2022).
14. *ScienceDirect*. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (дата обращения: 25.09.2022).
15. **Стройков С.А.** Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4 (91). – С. 99–112.
16. **Дедова О.В.** Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. – Москва: МАКС Пресс, 2008. – 284 с.
17. **Утяшев А.Р.** Формальные и семантические аспекты гипертекстуальности новостных сообщений в Рунете: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. – 22 с.
18. **Сурина В.Н., Каменева В.А.** Гиперкаркас как структурный элемент сайтового гипертекста // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 29 (320). С. 133–136.

REFERENCES

- [1] **M. Fire, C. Guestrin**, Over-optimization of academic publishing metrics: observing Goodhart's Law in action. *GigaScience*, Vol. 8, Iss. 6, June 2019, giz053. DOI: 10.1093/gigascience/giz053
- [2] **Z. Gou, F. Meng, Z. Chinchilla-Rodríguez, et al.**, Encoding the citation life-cycle: the operationalization of a literature-aging conceptual model. *Scientometrics* 127, 5027–5052 (2022). DOI: 10.1007/s11192-022-04437-z
- [3] **M. Demata, D. Heaney, S. Herring**, Introduction // Language and Discourse of Social Media. New Challenges, New Approaches. Special issue of *Altre Modernita*. 2018. – pp. 1–10.
- [4] **S.V. Shibarshina**, Social'nye seti dlja uchenyh: novaja forma social'nosti? [Social networks for researchers: a novel form of sociality? // *Jepistemologija i filosofija nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2019. Т. 56. № 4. Pp. 21–28. DOI: 10.5840/eps201956463
- [5] **S.A. Dushina, T.Yu. Khvatova, G.A. Nikolayenko**, Akademicheskiye internet-seti: platforma nauchnogo obmena ili instagram dlya uchenykh? (Na primere ResearchGate) [Academic social networks: a platform for research interchange or Instagram for researchers // *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2018. № 5. pp. 121–131. DOI: 10.7868/S0132162518050112

[6] **Ye.G. Tsurkan**, Kulturnyye vyzovy globalnoy seti Internet [Cultural Challenges of the Global Internet] // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofof. 2018. T. 1. № 4. S. 116–128. DOI: 10.5840/dspl20181450

[7] **V.V. Dementyev**, Zhanry novyh sfer obshheniya [Genres of emergent discourse domains// Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki: monografiya = Modern communication: novel discursive practices/ otv. red. O.S. Issers. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. Pp. 19–37.

[8] **N.P. Peshkova**, Gipertekst v nauchnoy i professionalnoy kommunikatsii [Hypertext in Scientific and Professional Communication] // Organizatsionnaya psikholingvistika = Organizational Psycholinguistics. 2019. № 3 (7). Pp. 9–24.

[9] **M. Fitzgibbons**, Implications of Hypertext Theory for the Reading, Organization, and Retrieval of Information. Library Philosophy and Practice. 2008. 170. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/170> (data obrashcheniya: 25.09.2022).

[10] Academy of Management Annals. URL: <https://aom.org/research/journals/annals> (data obrashcheniya: 25.09.2022).

[11] The Quarterly Journal of Economics. URL: <https://academic.oup.com/qje> (data obrashcheniya: 25.09.2022).

[12] Cell. URL: <https://www.cell.com/cell/home> (data obrashcheniya: 25.09.2022).

[13] The Lancet. URL: <https://www.thelancet.com/journals/lancet/home> (data obrashcheniya: 25.09.2022).

[14] ScienceDirect. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (data obrashcheniya: 25.09.2022).

[15] **S.A. Stroykov**, Kompleksnoye lingvisticheskoye issledovaniye gipertekstovoy ssylki elektronnoy giperteksta [Complex linguistics study of a hyperlink in an electronic hypertext] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Cherepovets State university. 2019. № 4 (91). Pp. 99–112.

[16] **O.V. Dedova**, Teoriya giperteksta i gipertekstovyye praktiki v Runete [Theory of hypertext and hypertextual practices in Runet]. Moskva: MAKS Press, 2008. 284 p.

[17] **A.R. Utyashev**, Formalnyye i semanticheskiye aspekty gipertekstualnosti novostnykh soobshcheniy v Runete [Formal and Semantic Aspects of the Hypertextuality of News Messages in Runet]: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2015. 22 p.

[18] **V.N. Surina, V.A. Kameneva**, Giperkarkas kak strukturnyy element saytovogo giperteksta [Hyperframework as a structural element of the web-site hypertext] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State university]. 2013. № 29 (320). Pp. 133–136.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Клочкова Елена Сергеевна

Elena S. Klochkova

E-mail: klochkova_es@spbstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6326-8392>

Поступила: 25.08.2022; Одобрена: 30.09.2022; Принята: 04.10.2022.

Submitted: 25.08.2022; Approved: 30.09.2022; Accepted: 04.10.2022.

Научная статья

УДК 82-31

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13303>

ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: АНАЛИЗ ЭКРАНИЗАЦИЙ ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ» В АРТ-ВИДЕОЛЕКЦИИ «СВОИМ ГОЛОСОМ»

И.А. Краснова¹ , Н.В. Попова¹ , Т.В. Солтановская² ,
Е.К. Вдовина¹ , М.С. Коган¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Музейно-выставочное объединение Манеж,
Москва, Российская Федерация

✉ ninavaspo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимодействия литературы и кинематографа как проявления одного из видов перевода, а именно межсемиотического перевода, по классификации Романа Якобсона. В центре внимания статьи междисциплинарный проект – арт-видеолекция «Своим голосом», созданная к 200-летию Ф.М. Достоевского, в которой рассматриваются национально-культурные особенности восьми различных экранизаций повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи». Каждая из рассматриваемых киноверсий повести Достоевского анализируется как перевод из одной знаковой системы – литературы в другую знаковую систему – кинематограф. Авторы статьи подчёркивают, что данный тип перевода подобен межъязыковому переводу и включает в себя различного рода интерпретации, поэтому экранизации варьируются от иллюстративных до менее буквальных. Рассмотрение каждой из киноинтерпретаций «Белых ночей» осуществляется как в единстве с литературной первоосновой, так и в диалоге с другими экранизациями. Рассмотрены киноверсии «Белых ночей» Висконти, Брессона, южнокорейский и индийский варианты, экранизация Пырьева и др.

Ключевые слова: межсемиотический перевод, интерпретация, экранизация, Достоевский, национально-культурные особенности.

Для цитирования: Краснова И.А., Попова Н.В., Солтановская Т.В., Вдовина Е.К., Коган М.С. Диалог литературы и кино как явление межсемиотического перевода: анализ экранизаций повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» в арт-видеолекции «Своим голосом» // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 23–35. DOI: 10.18721/JHSS.13303

**THE DIALOGUE OF LITERATURE AND CINEMA
AS A PHENOMENON OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION:
ANALYSIS OF SCREEN ADAPTATIONS OF “WHITE NIGHTS”
BY F.M. DOSTOEVSKY IN THE ART VIDEO LECTURE
“IN YOUR OWN VOICE”**

**I.A. Krasnova¹ , N.V. Popova¹ , T.V. Soltanovskaya² ,
E.K. Vdovina¹ , M.S. Kogan¹ **

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation;

² Museum and exhibition association Manezh,
Moscow, Russian Federation

 ninavaspo@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of interaction between literature and cinema as a manifestation of intersemiotic translation, according to the classification of Roman Jakobson. The focus of the article is an interdisciplinary project – an art video lecture “In Your Own Voice”, created for the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky, which examines the national and cultural characteristics of eight different adaptations of the “White Nights” story by F.M. Dostoevsky. Each of the film versions of Dostoevsky’s story is analyzed as a translation from one sign system to another: from literature to cinema. It is emphasized that this type of translation is similar to interlingual translation and includes various kinds of interpretations, so the film adaptations involved vary from illustrative to less literal. Consideration of each of the film interpretations of “White Nights” is carried out both in unity with the literary fundamental principle, and in dialogue with other film adaptations. The authors considered the film versions of “White Nights” by Visconti, Bresson, the South Korean and Indian versions of the film, Pyriev’s adaptation, etc.

Keywords: intersemiotic translation, interpretation, film adaptation, Dostoevsky, national and cultural characteristics.

Citation: I.A. Krasnova, N.V. Popova, T.V. Soltanovskaya, E.K. Vdovina, M.S. Kogan, The dialogue of literature and cinema as a phenomenon of intersemiotic translation: analysis of screen adaptations of “White Nights” by F.M. Dostoevsky in the art video lecture “In Your Own Voice”, *Terra Linguistica*, 13 (3) (2022) 23–35. DOI: 10.18721/JHSS.13303

Введение

Неоспоримо значение вклада России в мировую культуру. Особое место и особая роль в этом принадлежит Ф.М. Достоевскому, 200-летие со дня рождения которого отмечалось 2021 году не только в России, но и во всём мире. Творчество Достоевского, который был уже в 1879 году назван одним «из самых прославленных представителей современной литературы»¹, оказало огромное влияние на мировую литературу и стало фактом мировой культуры. Произведения писателя, переведённые на многие иностранные языки, востребованы и в наши дни, являясь при этом источником вдохновения для художников, композиторов, хореографов, кинематографистов. Интерпретации произведений писателя – это взгляд на мир Достоевского глазами других творцов, передающих глубинные смыслы первоисточника, но «поющих своим голосом».

К 200-летию Ф.М. Достоевского под эгидой ЮНЕСКО был осуществлён образовательный культурологический проект – арт-видеолекция² «Своим голосом» “In Your Own Voice” [1], которая

¹ Достоевский. Энциклопедия / Сост. Н.Н. Наседкин. URL: http://www.niknas.hop.ru/4doSt_enz/dost_enz.htm

² Арт-видеолекция «Своим голосом». URL: <https://youtu.be/KItYeUKUlvU>

имеет три версии: на русском, английском и французском языках. В день рождения писателя в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже на конференции, посвященной этой дате, состоялась презентация видеолекции. Целью данной арт-видеолекции, которая представляет собой рассмотрение восьми различных экранизаций повести Достоевского «Белые ночи», стала задача подчеркнуть универсальность идей писателя и продемонстрировать особенности их восприятия через призму различных культур, поскольку выбранные для анализа киноверсии произведения Достоевского созданы как российско-советскими, так и зарубежными режиссёрами.

Междисциплинарный проект *арт-видеолекция*, которая представляет собой фильм о фильмах и имеет поэтому некий эстетический фон, ориентирован на широкую целевую аудиторию и служит дидактической и познавательной задачей.

Цели исследования: 1) рассмотреть данный образовательный проект как основанный на теоретических положениях, связанных с проблемой интерпретации, перевода литературного произведения на язык кино; 2) описать выявленные и представленные в арт-видеолекции национально-культурные особенности экранизаций, возникшие в процессе культурной адаптации; 3) продемонстрировать соотношение киноинтерпретаций с литературной основой как перевод из одной знаковой системы в другую.

Методология и применённые методы исследования определяются междисциплинарной природой анализируемой и описываемой арт-видеолекции и теоретическим базисом, лежащим в основе проведённого в проекте «Своим голосом» анализа экранизаций повести Достоевского «Белые ночи». Используются междисциплинарный, сравнительно-сопоставительный, описательный и семиотический методы исследования.

Обзор литературы

Теоретической основой проекта является идея о том, что экранизация литературного произведения является особым типом перевода. В современной лингвистике и переводоведении вслед за Романом Jakobsonом наряду с межъязыковым, или собственно переводом, а также внутриязыковым переводом, или переформулированием принято выделять межсемиотический тип, представляющий собой перевод из одной семиотической системы, то есть литературы, в другую. Р. Jakobson кратко охарактеризовал данный тип перевода как транспозицию «из вербального искусства в музыку, танец, кино, живопись» [1]. Из трёх обозначенных Jakobsonом типов перевода межсемиотический, являющийся объектом нашего внимания, оказывается менее всего описанным.

При этом отметим, что осуществлённые исследования данного типа перевода в основном обращены именно к анализу транспозиции художественных текстов в кинофильмы, то есть в фокусе внимания оказывается перевод произведений литературы на язык кино [2–6]. При предложенном Jakobsonом широком понимании перевода можно согласиться с мнением Ю.М. Лотмана, что «весь культурный обмен включает в себя акт перевода» и что перевод следует считать основным механизмом сознания [7, с. 254]. Это положение соотносится с теорией «тотального» перевода П. Торопа, в рамках которого выделен экстратекстовый его подвид, демонстрирующий возможность, по определению Торопа, в частности, при экранизации литературного произведения выделять в тексте составляющие его коды, передавая их затем при помощи средств, которые не обнаруживает сам текст [8]. Понятие тотального перевода позволяет говорить и о тотальной переводимости.

Исходя из понимания процесса экранизации литературного произведения как акта перевода, следует отметить, что, согласно основным положениям переводоведения, в основе любого перевода, включая межсемиотический, лежит интерпретация. Как следует из словарного определения, «интерпретация есть истолкование, раскрытие смысла, значения чего-либо, в том числе текста»³. Интерпретация при переводе художественного текста обусловлена самой его природой,

³ Краткий словарь переводческих терминов. Режим доступа: URL: <http://youreng.narod.ru/term.html>.

поскольку он представляет собой сложное нестатическое целое. Нестатичность литературного произведения проявляется в том, что оно имеет многоуровневую связь с временем и пространством, находится в диалоге с миром. Диалогичность художественного текста, многозначность его содержания определяет диалогический характер взаимодействия текста, автора и читателя, и, следовательно, открывает возможности для разных интерпретаций, разных замыслов, основывающихся на содержании одного произведения.

Художественный текст обладает свойством амбивалентности, то есть неоднозначностью, открытостью, что предопределяет появление многочисленных прочтений-интерпретаций, вплоть до бесконечного их числа. «...Специфика художественного текста ... заключается в принципиальном отсутствии, у его создателя и его интерпретатора, установки на «простую очевидность», одномерность смысла» [9, с. 20]. Помимо этого, нередко литературный текст представляет собой многослойное целое, где «за поверхностным уровнем фабулы могут проступать более глубокие уровни символов, образов, идей и т.п.» [10, с. 155], что также способствует усилению элемента интерпретации – до достаточно свободной трактовки содержания произведения-оригинала при осуществлении межсемиотического перевода на язык кино. По определению П. Рикёра, интерпретация заключается в работе мышления, «которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключённых в буквальном значении» [11, с. 44].

Согласно общей концепции перевода, перевод – это операция над идеями, в которой присутствуют три элемента: первичный текст на данном языке, понимание переводчиком его смысла и, наконец, перевыражение этого смысла на другом языке. В процессе межсемиотического перевода литературного текста на язык кино такими «переводчиками» оказываются создатели фильма, главным образом, режиссёры. При интерпретации художественного произведения с необходимостью устанавливается диалог между оригинальным текстом и теми, кто осуществляет его интерсемиотический перевод: выявляются те скрытые смыслы, которые актуальны и значимы для создателя киноверсии в данный момент, а затем, пройдя через сознание переводчика-режиссёра, литературный текст воплощается им в фильме. Следовательно, достигается цель интерпретации художественного произведения, которая не сводится лишь к реконструкции замысла автора, а заключается в конструкции смысла, в обретении причастности, в истолковании личностно понятого. Интерпретация художественного текста, по Гадамеру, состоит в создании смысла заново, а не воссоздании авторского (первичного) смысла. Обретение причастности и есть приращение смысла, личностная эстетическая и духовная актуализация литературного произведения. Можно утверждать, таким образом, что смысл текста не существует, пока интерпретатор не осмыслит его [12].

Известно, что из трёх типов перевода, выделенных Якобсоном, интерсемиотический тип наименее изучен. При этом в достаточно молодой дисциплине, которой является переводоведение, уже разработаны различные техники интерлингвального перевода, а также приобретён терминологический инструментарий. Представляется, что эти техники и термины могут быть применены к исследованию явлений, относящихся к переводу между различными знаковыми системами – трансмутации или интерсемиотическому переводу, который, по классификации Якобсона, представляет собой не просто перекодирование из одной системы в другую, а некое динамичное, функциональное действие, включающее в себя, что очень важно, межкультурные связи и отношения.

В последнее время в переводоведческих исследованиях всё активнее стали использовать понятие пересоздания или транскреации (transcreation) [13]. В научный обиход это понятие ввёл индийский учёный-санскритист Пурушоттама Лал, который, определяя задачи переводчика, отметил, что работа его во многих отношениях становится в значительной степени вопросом транскреации [14]. Термин *пересоздание* оказался, очевидно, продуктивным при анализе и осуществлении интерсемиотического перевода, в частности, при трансформации художественного текста в киноэкранизации [15].

Одной из важнейших проблем всякого художественного перевода, включая его межсемиотический тип, оказывается проблема соотношения замысла автора интерпретируемого литературного произведения и автора-интерпретатора. Успешный перевод во многом зависит от интерпретации. Известно, что художественный текст как произведение искусства обладает свойством динамичности в том смысле, что живёт во времени и пространстве⁴, обнаруживая при этом способность вступать в диалогический процесс с другими видами искусства. Данный процесс межсемиотического перевода порождает иносистемные поликодовые вторичные тексты [16], которые являются результатом деятельности автора-интерпретатора, в нашем случае создателей киноверсии, прежде всего, режиссёра фильма-экранизации, представляющей собой самостоятельное произведение, творческий продукт, в котором отражён диалог создателя фильма с литературным произведением, его автором и с самим собой.

При интерпретации заданных литературным текстом смыслов рождаются новые, производные, смыслы, которые могут удивлять и интриговать зрителя, увлекая его на путь продолжения диалога [17]. Таким образом, осуществляется не механический перевод, а происходит рождение нового произведения искусства. Выдающийся лингвист А.А. Потебня давно высказал идею о том, что содержание художественного произведения развивается в том, кто это произведение читает, в том смысле, что «сущность и сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его понимании»⁵.

В рассматриваемых в видеолекции экранизациях повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» обнаруживается подчас достаточно свободная трактовка содержания произведения-оригинала, сохраняющая при этом те смыслы художественного произведения, которые являются связующими и неизменными. Обращаясь к экранизации повести, режиссёры используют приём пересоздания, что проявляется и в многообразии жанров, отражающих разные направления в развитии кино (например, киноверсии Висконти, Брессона, южнокорейский фильм), и в том, что используются устоявшиеся жанровые шаблоны (индийский вариант «Белых ночей», экранизация И.А. Пырьева). Приём культурной адаптации, которым характеризуется пересоздание как разновидность интерсемиотического перевода, предполагает привнесение в произведение искусства других культурных реалий, актуальных для конкретной целевой аудитории, к которой обращается создатель киноверсии.

Любой фильм, как поликодовое явление, является, фактически, актуализацией понятного зрителям коммуникативного кода, если понимать под кодом «систему условных обозначений, символов, знаков, правил их комбинации между собой для передачи, обработки, запоминания и хранения информации в наиболее оптимальной для этого форме» [18, с. 174]. Перевод литературного произведения в иной культурно-исторический и эстетический код [19] включает в себя перенесение действия во времени и в пространстве, что придаёт фильму национальное своеобразие, отражающее быт, традиции и культурные особенности места, где разворачивается действие. Возникает визуальная интертекстуальность как иной способ смыслопорождения [20–22], что можно продемонстрировать по итогам межсемиотического перевода на примерах восьми киноверсий повести Ф.М. Достоевского.

Результаты исследования

В самом «дословном» переводе «Белых ночей» на язык кино – экранизации И.А. Пырьева – действие происходит именно в Петербурге времён Ф.М. Достоевского. Таким образом, на

⁴ Так, Гадамер, рассматривая толкование текстов и подчёркивая, что ничто не остаётся неизменным, законсервированным, а, наоборот, проявляется стремление понять и выразить старое по-новому, пишет: «Понимание основывается вовсе не на попытках поставить себя на место другого или проявить к нему непосредственное участие. Понять то, что нам говорит другой, означает ... прийти к взаимопониманию в том, что касается сути дела..., постижение смысла, осуществляемое таким образом, всегда включает в себя аппликацию» (Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 446)

⁵ Потебня А.А. Мысль и язык. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 203 с. С. 167.

первый взгляд, элемент культурной адаптации, характерной для пересоздания, отсутствует. Однако, анализ показал, что при всей своей приближенности к оригиналу и даже определённой иллюстративности экранизация включает в себя элементы эстетики 50-х годов XX века. Таким, например, является музыкальный фрагмент – песенка Настеньки, соотносимый с другими фильмами режиссёра, действие которых происходит в советское время. Время создания киноверсии просматривается и в том, как трактуется образ Жильца: именно стереотипы, бытовавшие во время создания фильма, позволяли современникам режиссёра предположить, каков род деятельности Жильца и истолковать причину его отъезда. В этом образе просматриваются черты революционера-разночинца, каким его было принято изображать в искусстве и литературе советского времени.

Лукино Висконти – представитель неореализма в итальянском кино – перенёс действие в современную ему Италию. Такие эпизоды фильма, как сцены в пансионе, где живёт Мечтатель, и в баре, напрямую связаны с эстетикой направления в киноискусстве, в котором работал Висконти⁶. При этом сцены на улицах вполне реального итальянского города Ливорно, в соответствии с эстетикой данного направления киноискусства, реалистичны до документальности и сочетаются с призрачностью и фантастичностью города, снятого в студийных декорациях. Висконти не только изменяет хронотоп, но и актуализирует социальный фон, среду, в которой разворачивается действие, что влечёт за собой и изменение сюжетных ходов текста [23].

Подобный перенос действия в своё время и в конкретные социальные ситуации осуществляет и режиссёр Брессон. Действие французской версии «Белых ночей» происходит в Париже конца 60-х-начала 70-х годов, со всеми реалиями времени и места. Неспешное повествование фильма «Четыре ночи мечтателя» разворачивается в тот период времени, который отмечен студенческими волнениями, сексуальной революцией, движением хиппи и молодых бунтарей с их богемным и полубогемным образом жизни, поисками себя, отказом от рутины и «буржуазности» старшего поколения. Так, брессоновский Мечтатель живёт в дорогом, вполне буржуазном районе Парижа, но при этом его квартира представляет собой типичное жилище представителя молодёжной богемы. Так же показателен его род занятий: он «свободный художник», который ищет себя в живописи, в литературе. Главная героиня фильма Марта – французская Настенька – «пассивная бунтарка», мечтающая вырваться из привычной обстановки.

Вероятно, наиболее ярко национально-культурное своеобразие проявилось при пересоздании (transcreation) «Белых ночей» посредством киноискусства в индийской версии повести Достоевского. Эта версия включает в себя множественные аллюзии к фильму Висконти: созданный с помощью декораций нарочито нереальный город, сцена в баре с танцем Мечтателя, включение в число героев фильма девушки из квартала «красных фонарей», которая становится уже не эпизодическим, как у Висконти, а одним из главных персонажей, от чьего имени ведётся повествование. Однако антураж индийского фильма максимально экзотичен и, безусловно, национально окрашен: это костюмы, краски, приветствия, жилища, скульптуры древних богов, правда, в сочетании с классическими арками, колоннами, прудами с лотосами и венецианскими каналами, индийские песни, являющиеся атрибутом индийского кинематографа и индийской культуры в целом. Создатели фильма затронули также тему религиозной терпимости, актуальную для Индии, представляя героев экранизации-пересоздания последователями разных религий – ислама, индуизма и христианства.

Южнокорейский фильм, определяемый по жанровой принадлежности как *дорама*, представляет собой более сложное повествование, поскольку сюжет «Белых ночей» является лишь одним из его нанизываемых одно на другое звеньев. Таким образом создаётся типичная для архаусного произведения полифония смыслов. Национальный колорит, как правило, не важен для архаус-

⁶ Введение в киноповествование эпизодического персонажа – уличной жрицы любви – вызывает ассоциации, например, с фильмом Ф. Феллини «Ночи Кабирии». С другой стороны, этот образ является своеобразной отсылкой к творчеству Достоевского (Соня Мармеладова).

ного кино, которому присуща определённая наднациональность, однако в данном случае киноперевод «Белых ночей», включённый в сложную ткань киноповествования, имеет особенности, присущие корейской национальной культуре. Национально-культурное своеобразие проявляется здесь, прежде всего, в поведении, жестах, особенностях общения людей.

Так, одной из черт корейской культуры, уходящей корнями в прошлое, является такое речевое поведение героев, когда во время разговора, монолога и даже диалога почти полностью отсутствует так называемый eye-contact, что связано с правилом, не позволявшим младшему поднимать глаза на старшего, подчинённому на начальника и т.п. Традиция избегать прямых взглядов сосуществует, при этом, с другой национальной особенностью поведения, которая предусматривает мануальный контакт, служащий для установления связи между людьми без привнесения романтической коннотации.

Национально-культурную специфику придают также типичные обращения («дяденька», «бабушка»), а также выражение предельной обнажённости чувств, некая физиологичность их внешнего проявления. Что касается хронотопа времени и места, то перед нами предстаёт современный Сеул (камера многократно фокусируется на знаменитой Сеульской телебашне). Присутствует в фильме и приём «перемещения во времени», который осуществляется появлением в кадре несовместимой с центром современного Сеула гостиницы в традиционном стиле, которой владеют героиня и её бабушка.

В американской киноинтерпретации «Белых ночей» Дж. Грэй «Любовники» национально-культурные особенности проявляются в том и потому, что действие перенесено в современный Нью-Йорк, и в нём нашли отражение особенности быта, традиций, культурное своеобразие одной из многочисленных составляющих американского «плавильного котла» — еврейской общины. Так, например, в фильме показано, как проходит значимое для данной религиозно-этнической группы празднование вступления мальчиков в возраст совершеннолетия — *бар-мицва*.

Бытовые особенности, жизнь американского мегаполиса показаны в различных мелких деталях и эпизодах. Бурлящая событиями, «карнавальная» жизнь финансовой верхушки американского общества противопоставлена обывательскому миру владельцев малого бизнеса, полному повседневности и рутины. Условный «Жилец» в американской экранизации — богатый и влиятельный юрист, в то время как «Мечтатель» — фотограф-любитель, работающий в маленькой химчистке отца. И этот контраст жизни огромного города, контраст монотонности и монохромности одного из районов Бруклина и блистающего огнями Манхэттена — некоего символа осуществления американской мечты, символа богатства и успеха также является в определённой степени отражением национального своеобразия данной экранизации.

Отечественная перестроечная киноверсия «Белых ночей» демонстрирует бытовые особенности времени создания фильма, совпадающего со временем, когда происходит действие данной киноинтерпретации повести Достоевского. Множественные детали жизни страны конца 80-х — начала 90-х, сама атмосфера времени больших перемен в жизни страны включены в повествование, в характеристики и поведение героев. Признаки «новой» жизни обнаруживаются во всём. Так, Жилец в фильме предстаёт неким теневым дельцом, новым хозяином жизни — «новым русским». Стася (Настенька) и её тётя, живущие в опустошённой катаклизмами переходного периода стране, вынуждены шить вещи на продажу. Маркерами времени служат и огромного размера мобильный телефон, вызывающий потрясение у хозяек квартиры, и кассетный видеомagnитофон, и пальто с подложными плечами — в соответствии с модой того времени.

Пuls времени ощущается и в последней российской экранизации повести «Белые ночи», где характеры героев, их поведение, поступки, образ жизни, и сам Петербург, являющийся, фактически, персонажем картины, передают новые реалии современной жизни не только Петербурга, но и страны в целом. Город буквально дышит, он полон жизни даже ночью: всё засыпает-замирает в нём лишь на короткие предутренние часы. Очень современны герои, в которых угадываются

черты многих людей молодого поколения второго десятилетия 21-го века. В фильме нашло отражение даже характерное для современности изменение гендерных ролей: на мосту не Мечтатель спасает Настю, а, напротив, девушка защищает его от назойливого прохожего, что очень точно передаёт изменение поведенческих привычек. Кроме того, включенные в ткань фильма такие почти документальные эпизоды, как сцена в мастерской известного в Петербурге художника из группы «Митьки» Виктора Тихомирова, исторический момент возвращения крейсера «Аврора» на место вечной стоянки – актуализируют пространственно-временной хронотоп данной экранизации.

Итак, восемь представленных в арт-видеолекции «Своим голосом» переводов на язык кино повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» являются различными индивидуальными прочтениями этого произведения создателями фильмов, которые интерпретируют и адаптируют художественный текст, пересоздавая его в иносистемный поликодовый текст экранизации. Они осуществляют транскреацию, опираясь на сюжетную линию и стараясь не только передать глубокие смыслы произведения Достоевского, но и адаптировать их под свою целевую аудиторию, перенося повествование в то пространство и время, которое актуально для данной аудитории.

Дискуссия

Габриэлла Импости, которая занимается исследованием отношений между литературой и кино, отмечает, что, во-первых, «переход от написанного слова к его кинематографическому изображению влечёт за собой процесс интерсемиотического перевода», а во-вторых, «картина становится особенно сложной, когда к переходу от литературы к кино добавляется также переход от литературы, понимаемой как наследие определённой национальной культуры, к её же переводу в кинематографический текст, основным адресатом которого является сообщество, относящееся к другому ареалу и к другой национальной культуре» [2], подчёркивая, что, при всей важности изучения теоретических проблем данного вида перевода, очень важно уделять внимание и «миграции текстов из одной социальной, культурной и национальной системы в другую, с неизбежными потерями смысла, а также с созданием новых, ранее неизвестных смысловых наполнений, которые несёт в себе каждый новый перевод» [ibid.]. Принимая во внимание признанную в научном сообществе важность такого рода исследований, заметим, что арт-видеолекция «Своим голосом» явилась попыткой рассмотреть такого рода миграции.

Исследователь творчества Достоевского Л.И. Сараскина также разделяет точку зрения на возможность и позволительность интерсемиотического перевода литературного текста на язык кино, поскольку «события четырёх ночей из повести Достоевского – это не только петербургский феномен, а универсальная история о судьбе мечтателя и мечтательства, которая может произойти всегда и везде с мечтателем любой национальности» [23]. Термин «пересоздание» не используется, однако уже само название статьи «История и география «Белых ночей» коррелирует с идеей привнесения национально-культурных особенностей и изменения пространственно-временного фона в процессе осуществления пересоздания литературного текста в текст кинематографический. При этом «интернациональные экранизации XX и XXI века добавляют старинной русской повести новые яркие краски» [23, с. 28].

В представленных в арт-видеолекции «Своим голосом» восьми экранизациях – транскреациях повести Достоевского сохраняется, в той или иной степени, основная сюжетная линия литературного первоисточника, однако сужение, расширение содержания, а также актуализация отдельных составляющих имеют место в рассматриваемых кинопереводах, поскольку, как утверждает У. Эко, «адаптации часто вызывают не только вариации выражения, но и существенное изменение содержания» [4, с. 170]. Во всех включённых в видеолекцию киноверсиях сохраняются и три главных героя повести – Мечтатель, Жилец и Настенька. При этом в трактовке образов в результате осуществления межсемиотического перевода выявляются национально-культурные

особенности, признаки культурной адаптации, которые выражаются в трансформации образов в соответствии с ними.

Два мужских образа повести объединяет значительная открытость их для интерпретации, поскольку они являются собой, в некоторой степени, собирательные образы, некие архетипы, противопоставленные по способу восприятия жизни, отношения к ней: один из них олицетворяет мечтательность, романтизм, даже чудаковатость, в то время как другой ассоциируется с рационализмом. Оба они не имеют имени, но если Мечтатель, лишённый какой-либо истории, живёт в мире грёз и мечтаний, то Жилец в достаточной мере загадочен и оставляет чувство неопределённости как «человек без лица», что позволяет надевать на него разные маски в зависимости от культурного и исторического кода, в который переводят действие создатели фильмов.

С образом Мечтателя связан мотив одиночества, который по-разному реализуется в рассматриваемых экранизациях: в иллюстративном кинопереводе И.А. Пырьева абсолютно пустые улицы и набережная, где Мечтатель встречает Настеньку, убогое уединённое жилище героя; в фильме Висконти единственное окно в глухой стене погружённого в сон дома буквально визуализирует чувство одиночества, которое в этот момент испытывает Мечтатель Марио.

В киноинтерпретации «Белых ночей» Квинихидзе Мечтатель Митя, сознательно избегая общества людей, работает ночным развозчиком хлеба. Имея минимальный контакт с людьми, он максимально восполняет его теснейшей связью с городом, постоянно вступая в диалог с ним. В его воображении возникает мираж – Петербург XIX века, контрастируя с современными окраинами периода перестройки. Возникает антитеза двух Петербургов: Митя выезжает из безликого, неухоженного, даже депрессивного окраинного района города и попадает в Петербург, он разговаривает с его мостами, набережными, памятниками.

Мотив одиночества Мечтателя реализуется при переводе в иной культурно-исторический и эстетический код по-разному, однако объединяющим элементом становится связанная с мотивом одиночества тоска, поиск родственной души, которая обнаруживается в героине – Настеньке. Этот визуализированный поиск приобретает также некие национальные особенности: даже включённый в определённую бытовую среду, пожалуй, менее романтичный, но отнюдь не приземлённый, Марио из экранизации Висконти страдает от скучной обыденности. Его встреча с Настенькой – Натальей – как будто пришедшей из другой эпохи, несовременной и обладающей к тому же славянской загадочностью, романтической нездешностью – является результатом поиска романтического идеала героя.

Образ Настеньки варьируется от фильма к фильму, в кинопереводах героиню наделяют разными именами, она живёт в разных странах и в разные времена, однако неизменным остаётся то, что это цельная натура, охваченная сильным чувством и желанием изменить свою жизнь рядом с любимым человеком. Оказывается, что при межсемиотическом переводе произведения Достоевского на язык кино, когда происходит пересоздание, предполагающее культурную адаптацию, перевод с языка одной ментальности на язык другой [19], определяется и единое ценностное пространство, единые ценностные ориентиры разных культур. Вместе с тем, именно в раскрытии этого образа в различных экранизациях можно увидеть динамику, изменение гендерных поведенческих моделей [24, 25], своего рода этапы эмансипации.

Наибольший простор для интерпретаций даёт создателям кинопереводов «Белых ночей» образ Жильца. Умберто Эко предложил понятие «открытого текста», подчёркивая, что «есть тексты, которые могут не только свободно, по-разному интерпретироваться, но даже и создаваться (со-творяться, по-рождаться) в сотрудничестве с их адресатом; «оригинальный» (т.е. «исходный») текст в этом случае выступает как пластичный, изменчивый тип (a flexible type), позволяющий осуществлять себя в виде многих различных реализаций» [3, с. 11]. Исходя из этого, можно предположить, что в тексте Ф.М. Достоевского наиболее открытым для интерпретаций является образ Жильца, поскольку он словно «не дописан» автором, предстаёт как «человек без лица», не

лишённый загадочности и таинственности, что позволяет создателям кинопереводов надевать на него различные маски.

Образ Жильца при межсемиотическом переводе повести на язык кино наиболее отчётливо соотносится со временем создания фильма, поскольку выбор режиссёрами его рода деятельности ярко отражает специфику эпохи и национальный менталитет. Так, советско-российские киноверсии повести «Белые ночи» демонстрируют изменение рода занятий Жильца в соответствии с историческим моментом создания фильма: в советской экранизации Пырьева это интеллигент, революционный демократ, в фильме Квинихидзе 1990-х годов это зарождающийся тип «нового русского», чья деловая активность носит, по-видимому, полукриминальный характер. Заметим, что в обоих случаях этот герой представляет собой не только незаурядную, но и сильную личность. В последней российской киноверсии «Белых ночей», действие которой перенесено в современную нам Петербург, «Жилец» оказывается совершенно никчемным, слабым, трусливым человеком, способным на предательство и ложь.

Заключение

В результате анализа арт-видеолекции «Своим голосом» были достигнуты цели, поставленные авторами данной статьи, – рассмотреть особенности взаимодействия литературы и кино как явление межсемиотического перевода, при осуществлении которого необходимым элементом оказывается интерпретация. При разного рода интерпретациях неизменными остаются те смыслы произведения-оригинала, которые выявляет и актуализирует переводчик (в данном случае – создатель фильма). При межсемиотическом переводе используются также приёмы пересоздания – культурной адаптации, адаптивного транскодирования, учитывающего потребности целевой аудитории. С учётом целевой аудитории происходит перенесение действия во времени и пространстве, коррелирующее с национально-культурными особенностями самостоятельных кинопроизведений, полученных в результате межсемиотического перевода художественного текста. Показана вневременная наднациональная сущность творчества Ф.М. Достоевского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Якобсон Р.** О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. науч. ст. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
2. **Импости Г.** «Белые ночи» Достоевского в зеркале кино: Висконти, Пырьев, Брессон, Грей // Итальянская и испанская литературная классика на отечественном экране и русская на итальянском и испанском экранах: мат-лы международной науч. конф. 8-9 декабря 2011. М.: ВГИК, 2013. С. 44–55.
3. **Эко У.** Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 506 с.
4. **Еко У.** Mouse or Rat? Translation as Negotiation. London: Wodenfeld and Nicolson, 2003. 200 p.
5. **Gottlieb H.** Multidimensional translation: Semantics turned semiotics in S. Nauert & H. Gerzymich (eds.), Proceedings of the Marie Curies Euro Conferences MuTra: Challenges of Multidimensional translation. 2005. 29 p.
6. **Marais K.** A (Bio) Semiotic Theory of Translation: The Emergence of Social-Cultural Reality. New York: Routledge, 2019. 218 p.
7. **Лотман Ю.М.** Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. 704 с.
8. **Тороп П.** Тотальный перевод. Тарту: Научный поиск: Изд-во Тартусского гос. ун-та, 1995. 220 с.
9. **Псурцев Д.В.** К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: Об одном критерии адекватности. // Вестник МГЛУ. Выпуск 463, Перевод и дискурс. М., 2002. С. 16–26.
10. **Тюленев С.В.** Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 167 с.

11. **Рикёр П.** Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц., 2002. 624 с.
12. **Гадамер Г.Г.** Актуальность прекрасного. М.: Искусство, ч. 1., 1991. С. 266–323.
13. **Chow R.** Film and Cultural Identity // J.Hill and P.Gibson. (eds.) The Oxford Guide to Film Studies. Oxford. Oxford: Oxford University Press, 1998. Pp. 160–175.
14. **Lal P.** Transcreation. Calcutta: Writers Workshop, 1972. 29 p.
15. **Cattrysse P.** Film (Adaptation) as Translation: Some Methodological Proposals // Target International Journal of Translation Studies, 1992. 4 (1), pp. 53-70.
16. **Коваленко И.В.** Интерсемиотический перевод в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки, 2011. № 2 (56). С. 50–53.
17. **Азначеева Е.Н.** Семиотический полиглотизм текста и его перевод // Вестник Челябинского гос.ун-та. Филология. Искусствоведение. 2012. № 6 (260). Вып. 64. С. 5–8.
18. **Алмазова Н.И., Чернявская В.Е.** Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвосомиотический и дидактический аспекты. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. №1. С. 173–177.
19. **Яценко И.И., Куньята К. Ф.М.** Достоевский и мировой кинематограф: диалог культур // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Проблемы художественной антропологии, 2021. Т. 222. С. 88–96.
20. **Горшкова Н.Э., Чернявская В.Е.** Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения. Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 4. С. 689–700.
21. **Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э.** Визуальная метафора в персуазивной коммуникации. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 175–182. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182
22. **Чернявская В.Е.** Визуальность в социокультурной проекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2021. № 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
23. **Сараскина Л.И.** История и география «Белых ночей» // Достоевский и современность. 2016. Т. 30, № 30. С. 16–29.
24. **St.Pierre P.** Theory and Practice: Translation in India // Bowker, Lynne, Michel Chronin, Dorothy Kenny and Jennifer Pearson (eds), Unity in Diversity: Current Trends in Translation Studies. Manchester: St. Jerome, 2016. Pp. 47–56.
25. Translation or Transcreation? Discourses, Texts and Visuals (Edited by C. Spinzi). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 193 p.

REFERENCES

- [1] **R. Jakobson**, O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On linguistic aspects of translation], Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike: sb. nauch. st. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. Pp. 16–24.
- [2] **G. Imposti**, “Belye nochi” Dostoevskogo v zerkale kino: Viskonti, Pyr'ev, Bresson, Grej [White nights of Dostoevsky in the mirror of cinema], Ital'yanskaya i ispanskaya literaturnaya klassika na otechestvennom ekrane i russkaya na ital'yanskom i ispanskom ekranah: mat-ly mezhdunarodnoj nauch. konf. 8-9 dekabrya 2011. M.: VGIK, 2013. Pp. 44–55.
- [3] **U. Eko**, Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Studies in semiotics of the text]. M.: RGGU, 2005. 506 p.
- [4] **U. Eco**, Mouse or Rat? Translation as Negotiation. London: Wedenfeld and Nicolson, 2003. 200 p.
- [5] **H. Gottlieb**, Multidimensional translation: Semantics turned semiotics in S. Nauert & H. Gerzymich (eds.), Proceedings of the Marie Curies Euro Conferences MuTra: Challenges of Multidimensional translation. 2005. 29 p.
- [6] **K. arais**, A (Bio) Semiotic Theory of Translation: The Emergence of Social-Cultural Reality. New York: Routledge, 2019. 218 p.
- [7] **Yu.M. Lotman**, Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside thinking worlds.Articles.Research.Notes]. SPb.: “Iskusstvo – SPB”, 2000. 704 p.

- [8] **P. Torop**, Total'nyj perevod [Total translation]. Tartu: Nauchnyj poisk: Izd-vo Tartusskogo gos. un-ta, 1995. 220 p.
- [9] **D.V. Psurcev**, K probleme perevoda i interpretacii hudozhestvennogo teksta: Ob odnom kriterii adekvatnosti [On the problem of translation and interpretation of a literary text: on one criterion of adequacy], Vestnik MGLU. Vyp. 463, Perevod i diskurs. M., 2002. Pp. 16–26.
- [10] **S.V. Tyulenev**, Teoriya perevoda [Translation theory], M.: Gardariki, 2004. 167 p.
- [11] **P. Rikyor**, Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. M.: Kanon-Press-C., 2002. 624 p.
- [12] **G.G. Gadamer**, Aktual'nost' prekrasnogo [The relevance of beauty]. M.: Iskusstvo, 1991. Part 1. Pp. 266–323.
- [13] **R. Chow**, Film and Cultural Identity, J.Hill and P.Gibson. (eds.) The Oxford Guide to Film Studies. Oxford. Oxford: Oxford University Press, 1998. Pp. 160–175.
- [14] **P. Lal**, Transcreation. Calcutta: Writers Workshop, 1972. 29 p.
- [15] **P. Cattrysse**, Film (Adaptation) as Translation: Some Methodological Proposals, Target International Journal of Translation Studies, 4 (1) (1992) 53–70.
- [16] **I.V. Kovalenko**, Intersemioticheskij perevod v mezhkul'turnom aspekte: postanovka problemy [Intersemiotic Translation in an Intercultural Aspect: Statement of the Problem], Izvestiya VGPU, Seriya: Filologicheskie nauki, 2 (56) (2011) 50–53.
- [17] **E.N. Aznacheeva**, Semioticheskij poliglotizm teksta i ego perevod [Semiotic polyglotism of the text and its translation], Vestnik Chelyabinskogo gos.un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 6 (260) (64) (2012) 5–8.
- [18] **N.I. Almazova, V.E. Chernyavskaya**, The polycode stretch of communication: linguosemiotic and didactic aspects. Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 1 (2010) 173–177.
- [19] **I.I. Yacenko, K. Kun'yata, F.M. Dostoevskij** i mirovoj kinematograf: dialog kul'tur [Dostoevsky and World Cinema: Dialogue of Cultures], Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. Problemy hudozhestvennoj antropologii, 222 (2021) 88–96.
- [20] **N.E. Gorshkova, V.E. Chernyavskaya**, Vizual'naya intertekstual'nost' kak sposob smyslopороzhdeniya [Visual intertextuality as a way of generating meaning], Kommunikativnye issledovaniya, 8 (4) (2021) 689–700.
- [21] **V.E. Chernyavskaya, N.E. Gorshkova**, Vizual'naya metafora v persuazivnoj kommunikacii [Visual Metaphor in Persuasive Communication], Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena, 202 (2021) 175–182. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182
- [22] **V.E. Chernyavskaya**, Vizual'nost' v sociokul'turnoj proekcii [Visuality in sociocultural projection], ПРАΞΗΜΑ. Problemy vizual'noj semiotiki (ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics). 2 (28) (2021) 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
- [23] **L.I. Saraskina**, Istoriya i geografiya «Belyh nochej» [History and geography of the “White Nights”], Dostoevskij i sovremennost'. 30 (30) (2016) 16–29.
- [24] **P. St.Pierre**, Theory and Practice: Translation in India // Bowker, Lynne, Michel Chronin, Dorothy Kenny and Jennifer Pearson (eds), Unity in Diversity: Current Trends in Translation Studies. Manchester: St. Jerome, 2016. Pp. 47–56.
- [25] Translation or Transcreation? Discourses, Texts and Visuals (Edited by C. Spinzi). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 193 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Краснова Ирина Анатольевна

Irina A. Krasnova

E-mail: krasnova_ia@spbstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6171-606X>

Попова Нина Васильевна

Nina V. Popova

E-mail: ninavaspo@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3058-7386>

Солтановская Татьяна Валерьевна

Tatiana V. Soltanovskaya

E-mail: t.soltanovskaya@moscowmanege.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7304-0634>

Вдовина Елена Константиновна

Elena K. Vdovina

E-mail: vek2@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3787-9691>

Коган Марина Самуиловна

Marina S. Kogan

E-mail: m_kogan@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7519-2161>

Поступила: 10.06.2022; Одобрена: 30.09.2022; Принята: 04.10.2022.

Submitted: 10.06.2022; Approved: 30.09.2022; Accepted: 04.10.2022.

Научная статья

УДК 004.942

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13304>

МОДЕЛИРОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В СЮЖЕТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ МЕТОДАМИ ЧИСЛЕННОГО ФРАКТАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Се Линьби , А.И. Загайнов

Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 xly2959@163.com

Аннотация. Статья представляет исследование, комбинирующее методы литературоведческого и лингвистического анализа текста художественного произведения и методы математического моделирования сюжета. Цель работы – изучение факторов, влияющих на человеческие взаимоотношения путем создания и анализа нелинейных динамических систем, с точки зрения постулатов и методов теории детерминированного хаоса. Методом исследования является создание математической модели характеристик персонажей и их взаимосвязей. В качестве материала исследования авторы статьи выбрали текст романа В. Гюго «Отверженные». Основной математический аппарат исследования основывается на методах численного фрактального анализа, устанавливается нелинейная математическая модель, основанная на двумерной системе дифференциальных уравнений. В процессе исследования предлагаемая система будет проинтегрирована численными методами – для ее решения с помощью метода задержек Такенса построен топологически эквивалентный аттрактор. Экспонента Херста и аппроксимированная энтропия рассчитываются для определения будущего изменения тенденции аттрактора, а бифуркационная диаграмма строится с использованием отображения Пуанкаре для определения конкретного фрактального времени. Изменяя параметры системы и наблюдая за изменениями значений и графиков, полученных выше, мы анализируем основные факторы, влияющие на социальные отношения, с точки зрения социологии, психологии и истории. В то же время, в процессе исследования мы сосредоточимся на трех факторах: непосредственно личности, влиянии сопутствующих персонажей и литературной проекции социальной среды.

Ключевые слова: метод численного фрактального анализа, аттрактор, динамическая система, теория бифуркаций, межличностные отношения.

Для цитирования: Се Линьби, Загайнов А.И. Моделирование характеристик персонажей и их взаимосвязей в сюжете художественного произведения методами численного фрактального анализа // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 36–47. DOI: 10.18721/JHSS.13304

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13304>

MODELING OF CHARACTER CHARACTERISTICS AND THEIR RELATIONSHIPS IN A NOVEL PLOT BY METHODS OF NUMERICAL FRACTAL ANALYSIS

Xie Linyi , A.I. Zagaynov

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University,
St. Petersburg, Russian Federation

 xly2959@163.com

Abstract. The article presents a study combining the methods of literary and linguistic text analysis of a work of fiction and methods of mathematical modeling of the plot. The purpose of the work is to study the factors that affect human relationships by creating and analyzing nonlinear dynamic systems in terms of the postulates and methods of deterministic chaos theory. The research method is to create a mathematical model of the characters' characteristics and their relationships. The authors chose the text of the novel "Les Misérables" by V. Hugo as the research material. The main mathematical apparatus of the study is based on the methods of numerical fractal analysis; a nonlinear mathematical model based on a two-dimensional system of differential equations is established. In the process of the research, the proposed system will be integrated by numerical methods: a topologically equivalent extractor will be built to solve it using the Takens delay method. The Hurst exponent and approximated entropy are calculated to determine the future trend change of the attractor, and a bifurcation diagram is constructed using a Poincare mapping to determine a specific fractal time. By changing the parameters of the system and observing the changes in the values and graphs obtained above, we analyzed the main factors influencing social relationships from the perspective of sociology, psychology, and history. At the same time, in the process of the research we will focus on three factors: the personality itself, the influence of related characters, and the literary projection of the social environment.

Keywords: numerical fractal analysis method, attractor, dynamical system, bifurcation theory, interpersonal relationships.

Citation: Xie Linyi, A.I. Zagaynov, Modeling of character characteristics and their relationships in a novel plot by methods of numerical fractal analysis, *Terra Linguistica*, 13 (3) (2022) 36–47. DOI: 10.18721/JHSS.13304

Введение

С развитием методов обработки и анализа данных было обнаружено, что необходим принципиально новый взгляд на подобное научное направление, поэтому для восстановления аттрактора Такенсом предложен метод временной задержки координат, чтобы охарактеризовать сложную графику и сложные процессы, например, он используется для описания непрерывных гор и рек в природе, плывущих облаков, броуновского движения частиц и т.д. В настоящее время исследования в области численного фрактального анализа ведутся, в основном, в направлении создания программного обеспечения, такого как исследование временных рядов, фрактальный анализ изображений и сжатие изображений. В последние годы некоторые исследования также начали происходить в направлении социологии. В 1988 году Строгац впервые дал математическую модель любви между Ромео и Джульеттой в литературе [1]. На основе Строгаца Спотт [2] дал более общую модель дифференциального уравнения и дополнительно исследовал проблему любовного треугольника. Социальное взаимодействие играет важную роль в жизни. Это происходит синхронно с человеческим обществом. Таким образом, изучение межличностных отношений является общественно важной темой. В этой статье используются траектории жизненных путей персонажей Жана Вальжана и инспектора Жавера в романе В. Гюго «Отверженные» [3] для создания нелинейной математической модели и изучения взаи-

мосвязи их социального развития. Роман полон гуманитарного социального фона и сложных взаимоотношений персонажей. В обществе, описанном в романе, бедность ослабляет мужчин, голод ослабляет женщин, а темнота ослабляет детей. В то время люди на дне общества были очень хрупкими и чувствительными. Когда они находятся под влиянием окружающих, их социальное взаимодействие могло легко измениться (то есть окружающее силовое поле в динамической системе меняло направление аттрактора). Он очень подходит для изучения динамического поведения социального взаимодействия. В ходе исследования изменяя параметры системы и анализируя изменения фазовых диаграмм аттрактора, диаграмм временных рядов и диаграмм бифуркации, делается вывод о том, что развитие и изменения социальных отношений в основном происходят из трех аспектов: непосредственно сама личность, влияние окружающих людей и социальная среда.

Построение математической модели

В этом обществе существует много концепций. Окружающие вас люди обычно говорят вам, например: «мужчина заботится о внешних делах, женщина заботится о внутренних делах», «вырастить детей, чтобы обеспечить опору в старости», «быть хорошим ребёнком». Они всегда направляют нашу жизнь. А узнать, чем Вы будете заниматься в жизни Вам поможет только исследование общего аттрактора человеческой массы. Это изучение силовых линий. Траектория в фазовом пространстве межличностных отношений покажет состояние в разные моменты вашей жизни.

Основная линия повествования романа «Отверженные» рассказывает о личном опыте главного героя Жана Вальжана и включена в французскую историю, революцию, войну, моральную философию, право, справедливость и религиозные убеждения, отражая более широкий социальный статус-кво после Великой французской революции. Реалистичный социальный исторический фон и богатые истории персонажей романа являются воплощением многих революционных сообществ, поэтому мы выбрали жизненные траектории Жана Вальжана, Жавера и Епископа в «Отверженных», чтобы установить систему дифференциальных уравнений и исследовать социальные отношения. Иногда трагедия людей заключается в том, что трудно освободиться от ограничений своих собственных идей. Они обычно упрямы, такие как Жавер. Когда аттракторы общества нестабильны, вокруг этих людей начинает формироваться такие силовые поля. Сами люди стремятся общаться с такими людьми, но они не хотят общаться с окружающими их людьми. Напротив, другие, такие как Жан Вальжан, обычно более мягки. Когда аттракторы общества нестабильны, они находятся под влиянием окружающих их людей, готовые прислушиваться к мнению окружающих их людей и стремящиеся к общению.

Используя $A(t)$, $B(t)$, чтобы представить траекторию жизни Жана Вальжана и Жавера. Жавер имел плохих родителей и поэтому всеми силами хотел стать справедливым (как ему казалось) инспектором, наказывая всех проституток (поскольку таковою была его мать) и воров (таким был его отец). То есть подсознательно он им мстил всю жизнь. Жан Вальжан изначально хороший человек, но попадая в условия каторги он становится зверем. Он стал хорошим человеком под влиянием епископа. Епископ является символом гуманизма, его доброта тронула Жана Вальжана. Таким образом, в процессе построения модели мы также приняли во внимание факторы епископа. Итак, в системе мы устанавливаем начальное значение $A(t_0)$ равным 10, а начальное значение $B(t_0) = -10$.

Классическая популяционная модель (Logistic) [4] была применена в модели для описания влияния епископа на Жана Вальжана. Мы считаем, что стадия быстрого роста модели соответствует быстрому превращению Жана Вальжана в хорошего человека после получения помощи епископа. Конечно, у любой помощи есть предел. Мы устанавливаем это предельное значение k равным 100. Динамическая модель показана в формуле (1).

$$\begin{aligned}\frac{dA}{dt} &= aA\left(1 - \frac{A}{k}\right) + bA + cB, \\ \frac{dB}{dt} &= dB + eA,\end{aligned}\tag{1}$$

где a – Влияние епископа на Жана Вальжана; b – Влияние Жана Вальжана на себя; c – Влияние Жавера на Жана Вальжана; d – Влияние Жавера на себя; e – Влияние Жана Вальжана на Жавера; $k = 100$; $A(t_0) = 10$; $B(t_0) = -10$.

Его характеристическое уравнение:

$$\begin{aligned}A &= \begin{vmatrix} a+b & c \\ d & e \end{vmatrix} \\ |\lambda E - A| &= \begin{vmatrix} \lambda - (a+b) & -c \\ -d & \lambda - e \end{vmatrix} = 0 \\ (\lambda - (a+b))(\lambda - e) - cd &= 0 \\ \lambda^2 - (a+b+e)\lambda + (a+b)e - cd &= 0 \\ \Delta &= (a+b-e)^2 + 4cd \\ \lambda_{1,2} &= \frac{(a+b+e) \pm \sqrt{(a+b-e)^2 + 4cd}}{2}.\end{aligned}\tag{2}$$

Согласно расчетам, мы получаем следующие условия, при которых система стабильна. Первый: когда комплексные характеристические значения имеют отрицательную действительную часть и мнимое число. В этом случае мы пытаемся изменить параметры a, b, c, d, e , чтобы наблюдать изменение временных рядов. Второй: когда решение является отрицательным действительным числом. В этом случае мы пытаемся изменить параметр a, b, e , чтобы наблюдать изменение временных рядов [5]. В этих восьми случаях мы выбрали восемь наборов данных в стабильных условиях в качестве примеров путем сравнения нескольких экспериментов и замены данных, и результаты показаны ниже. На следующем этапе разработанная методика вычисления фрактальных показателей временных рядов. Представлена принципиальная схема последовательности вычисления управляющих параметров. Метод Рунге-Кутты четвертого порядка используется для выполнения численных вычислений в системе и получения временных рядов. Вычисление времени задержки и корреляционной размерности реконструированного аттрактора из временного ряда. В этом проекте для получения времени задержки используется метод автокорреляционной функции. Алгоритм G-P используется для вычисления корреляционной размерности.

Численные эксперименты и полученные результаты

Согласно восьми различным ситуациям, мы извлекли две основные проблемы. Первый вопрос заключается в том, чтобы изучить, влияют ли ваши собственные чувства и личность на ваши социальные отношения. В этот момент мы можем наблюдать изменения, производимые системой после изменения параметров b и d , и некоторые результаты показаны в табл. 1.

Таблица 1. Фазовые диаграммы (b, d)
Table 1. Phase diagrams (b, d)

Установим параметр $a = 3, c = 12, d = -2, e = -4$, Изменим параметр b			
Бифуркационная диаграмма			
	$b = -2.7$	$b = -1.5$	$b = -1.0999$
Фазовые диаграммы			
График временных рядов			
Установим параметр $a = 3, b = -2, c = 5, e = -4$, Изменим параметр d			
Бифуркационная диаграмма			
	$d = -2$	$d = -6$	$d = -9$
Фазовые диаграммы			
График временных рядов			

При прогнозируемой устойчивости будущих тенденций нам также необходимо учитывать следующие два параметра:

Показатель Хёрста [6, 7] – мера, используемая в анализе временных рядов. Последовательности, для которых $H > 0.5$, считаются персистентными – они сохраняют имеющуюся тенденцию, то есть возрастание в прошлом более вероятно приводит к возрастанию в дальнейшем, и наоборот.

Аппроксимированная энтропия (ApEn) [8] отражает степень сложности сигнала – чем выше его регулярность, тем меньше значение этой величины.

Аппроксимированная энтропия и показатель Хёрста в двух вышеуказанных случаях приведены в табл. 2. В следующих таблицах аппроксимированная энтропия А в уравнении 1 представлена как (ApEn-A), а аппроксимированная энтропия В в уравнении 1 представлена как (ApEn-B), и экспонент Хёрста А в уравнении 1 представлена как (H-A), а экспонент Хёрста В в уравнении 1 представлена как (H-B).

Таблица 2. Аппроксимированная энтропия и экспонента Хёрста H

Table 2. Approximated entropy and Hurst exponent H

Установим параметр $a = 3, c = 12, d = -2, e = -4$. Изменим параметр b			
ApEn	$b = -2.7$	$b = -1.5$	$b = -1.0999$
ApEn-A	0.0196	0.0174	0.0168
ApEn-B	0.0146	0.0158	0.0161
H	$b = -2.7$	$b = -1.5$	$b = -1.0999$
H-A	0.8711	0.8431	0.8339
H-B	0.8638	0.8344	0.8271
Установим параметр $a = 3, b = -2, c = 5, e = -4$. Изменим параметр d			
ApEn	$d = -2$	$d = -6$	$d = -9$
ApEn-A	0.1310	0.0149	$6.0922e-04$
ApEn-B	0.1010	0.0070	$5.3023e-04$
H	$d = -2$	$d = -6$	$d = -9$
H-A	0.9244	0.9291	0.9562
H-B	0.9278	0.9369	0.9514

Сначала мы наблюдаем за изменениями аттрактора траектории жизни Жана Вальжана. Жан Вальжан перенес 19 лет каторжных работ только за то, что украл хлеб. [9] Страндания и несправедливость общества превратили добропорядочного гражданина в демона. Здесь мы можем назвать Жана Вальжана «борцом с развратом и искуплением». Параметр b представляет влияние Жана Вальжана на самого себя. Как видно из бифуркационной диаграммы, когда значение b равно: $(-16, 2)$, существует устойчивый аттрактор. И чем больше b , тем более сложная фазовая диаграмма аттрактора.

Затем мы наблюдаем за изменениями в жизненной траектории Жавера. Жавер основан на образе холодного и жестокого правоохранителя, служащего автократической системе французского общества. Его трагедия связана с разрушением веры. Идеалы, в которые он верил в своей жизни, были бесчеловечными и необоснованными холодными правилами. Когда эта вера рухнула, значение существования Жавера также исчезло. Мы можем назвать его «исполнителем холодной системы». Параметр d представляет влияние Жавера на самого себя. Как видно из бифуркационной диаграммы, когда значение d равно: $(-16, -1)$, существует устойчивый аттрактор. Система

Система будет устойчивой только в том случае, если сам Жавер испытывает негативное настроение ($d < 0$). И чем больше d , тем более сложная фазовая диаграмма аттрактора. Используя значения индекса Херста и аппроксимированной энтропии мы видим, что в этом случае будущее поведение предсказуемо, и будущее поведение соответствует прошлому [10].

Исследования в области психологии показывают, что позитивные психологические сигналы придадут Вам решимости устранить все препятствия, придадут Вам невероятную настойчивость и выносливость, а также заставят вас продолжать повышать свою смелость, постоянно бросать вызов себе и превосходить себя. Их поведения можно объяснить «комплексом Ионы» в психологии [11]. Известный американский психолог Абрахам Маслоу ввел понятие «комплекса Ионы». Так он назвал внутреннюю неготовность человека в полной мере реализовывать свои способности, избегание шансов на большой успех [12]. Появление этого комплекса связано с высокой тревогой и сниженными амбициями. Для такого психологического состояния, проще говоря, мы часто убегаем от самих себя, не верим в себя, не смеем смотреть самим себе в лицо и не смеем принять вызов. Основной причиной негативной психологии Жана Вальжана была социальная среда того времени. В мрачном французском мире 19 века мужчины были бедны, женщины были развращены, дети были слабы, а бесчисленное множество людей на дне общества жили жалкой и безутешной жизнью. Жан Вальжан – всего лишь один из бесчисленного множества людей, которые живут в низших слоях общества. В социальном явлении, где богатые веселятся, а бедные находятся в тяжелом положении, их страдания не являются следствием их самоотречения, а этого, казалось бы, справедливого, но строго иерархического классового общества. Такое общество вряд ли дает страдающим людям на дне шанс выжить. У них нет выбора в их собственной жизни. А Жавер – преданный полицейский, и в том, что касается закона, он превосходит. Паранойя Жавера небезосновательна. Он также происходит из низов общества: он родился в тюрьме, его мать – гадалка, а отец – каторжник. У Жавера подсознательно есть ненависть к своей жизни, поэтому он полон негативных эмоций по отношению к себе. Как и Жан Вальжан, все они – несчастные люди, созданные той эпохой и обществом. В данном случае не столько их личное поведение влияет на социальные отношения, сколько политическое общество, которое привело к такому результату.

Вторая проблема заключается в том, влечет ли влияние других людей на себя, их жизнь и социальные отношения. В этот момент мы можем наблюдать изменения, производимые с системой после изменения параметров a , c и e . Некоторые результаты были показаны в табл. 3.

Аппроксимированная энтропия и показатель Херста в двух вышеуказанных случаях приведены в табл. 4.

Используя значения индекса Херста и аппроксимированной энтропии мы видим, что в этом случае будущее поведение предсказуемо, и будущее поведение соответствует прошлому.

Параметр a представляет влияние епископа на Жана Вальжана. Как видно из бифуркационной диаграммы, когда значение a равно: $(-11, 7.8)$, существует устойчивый аттрактор. В произведении «Отверженные» Гюго впервые сформировал образ епископа, наделил его духом гуманизма и сделал его доброжелательным человеком, обладающим большой мудростью, состраданием. В нашей системе в целом, чем больше положительное влияние епископа на Жана Вальжана, тем богаче жизнь Жана Вальжана. Когда $a < 0$, граф аттрактора, очевидно, не так богат, как когда $a > 0$. Это явление доказывает, что позитивный и оптимистичный настрой является ступенькой к богатой жизни. Влияние епископа на Жана Вальжана отражает человеколюбивый дух Гюго [13]. Епископ представляет один тип людей в обществе. Они твердо верят, что незнакомец перед ними обладает такой же добротой, как и они сами. Они щедро дарят доброту обычным людям и даже испорченным людям, не только из-за сочувствия, но и из-за дальновидности и ответственности. Как люди, с правами, они ясно видят возможные недостатки прав и последствия, которые права будут иметь для народа. В этом случае мы доказали, что другие люди будут оказывать влияние

Таблица 3. Фазовые диаграммы (a, e)
Table 3. Phase diagrams (a, e)

Установим параметр $b = -2, c = 12, d = -2, e = -4$, Изменим параметр a			
Бифуркационная диаграмма			
	$a = -3$	$a = 0$	$a = 3$
Фазовые диаграммы			
График временных рядов			
Установим параметр $a = 3, b = -2, c = 12, d = -2$, Изменим параметр e			
Бифуркационная диаграмма			
	$e = -9$	$e = -4$	$e = -1.5$
Фазовые диаграммы			
График временных рядов			

Таблица 4. Аппроксимированная энтропия и экспонента Хёрста Н
Table 4. Approximated entropy and Hurst exponent H

Установим параметр $b = -2, c = 12, d = -2, e = -4$. Изменим параметр a			
ApEn	$a = -3$	$a = 0$	$a = 3$
ApEn-A	0.0244	0.0502	0.2244
ApEn-B	0.0279	0.0437	0.2046
H	$a = -3$	$a = 0$	$a = 3$
H-A	0.8907	0.8946	0.8571
H-B	0.8879	0.8827	0.8503
Установим параметр $a = 3, b = -2, c = 12, d = -2$. Изменим параметр e			
ApEn	$e = -9$	$e = -4$	$e = -1.5$
ApEn-A	0.2972	0.2244	0.1203
ApEn-B	0.2831	0.2046	0.1015
H	$e = -9$	$e = -4$	$e = -1.5$
H-A	0.7613	0.8571	0.9399
H-B	0.7634	0.8503	0.9356

на наши собственные социальные отношения. Мы называем эту ситуацию демонстрационным эффектом. Демонстрационные эффекты – это воздействия на поведение индивидов, вызванные наблюдением за действиями других людей и их последствиями [14]. Например, в современной жизни студенты живут в одном общежитии. Если в общежитии есть трудолюбивый товарищ, студенты в этом общежитии часто работают усерднее.

Параметр e отражает влияние Жана Вальжана на Жавера. Как видно из бифуркационной диаграммы, когда значение e меньше -0.6817 , существует устойчивый аттрактор. Чем сильнее негативное влияние Жана Вальжана на Жавера (то есть чем меньше e), тем сложнее будет жизненная траектория Жавера. Когда Жан Вальжан оказывает на него положительное влияние ($e > 0$), система неустойчива. Эти данные показывают, что Жавер – чрезвычайно уверенный в себе и упрямый человек, и он всегда думает, что он прав.

Сравнивая выводы по параметру a и параметру e , мы также можем обнаружить, что отношение социального развития человека также связано с его личностью. Жан Вальжан в глубине души трудолюбивый и добрый человек, поэтому, когда он почувствует заботу в холодном обществе, он превратится из «демона» в «ангела» и даже поможет большему количеству людей. Жавер, с другой стороны, был очень упрям. Даже если он понимал, что поведение Жана Вальжана было благонамеренным, он все равно не хотел в это верить, поэтому предпочел умереть. Суть Жана Вальжана и Жавера одна и та же. Они родились похожими и имеют одну и ту же цель – стать членами лучшего и гармоничного общества, но они пошли разными путями. Жан Вальжан пробуждает общество добротой, в то время как Жавер стремится к справедливости (как он сам думает). Самая важная причина такого результата связана с исходной личностью. Эта точка зрения также была подтверждена в психологии. Античный медик Клавдий Гален изучал и ввел различные типы темперамента: Меланхолик, Флегматик, Сангвиник, Холерик. У людей с разными личностями разные способы ведения дел. Например: Меланхолики – это интроверты и эмоционально чувствительные перфекционисты. Они обычно чувствительные, сердечные, восприимчивые, исполнительные, но они также ранимые, мнительные, замкнутые, застенчивые, медлительные в работе, неуверенные [15]. Аналогичным образом, в современной жизни многие компании

также используют оценку темперамента при приеме на работу, чтобы оценить степень соответствия между личностью и должностью. Каждый человек по своей природе является особенным. Течение нашей жизни зависит от воспитания, жизненных ситуаций, собственных внутренних убеждений. Приобретая жизненный опыт, мы, так или иначе, вырабатываем тот или иной тип поведения – характер. Но не всё зависит от нас самих, ведь ещё при рождении нам даны особенные природные характеристики, именуемые темпераментом. Следовательно, разные личности и темпераменты заставляют нас иметь разный выбор в социальной деятельности, что приводит к разным социальным отношениям и разным результатам [16].

Заключение

Человеческие взаимоотношения очень сложны, и результаты нельзя обобщить на влияние одного события или одного человека. Анализируя динамическое поведение социального взаимодействия между людьми, можно обнаружить, что в этой модели при изменении значений различных параметров траектория аттрактора усложняется (или упрощается). Доказано, что в процессе межличностного общения влияние других людей (то есть силового поля) будет вносить различные изменения в первоначальную жизненную траекторию человека (то есть формирование хаотических аттракторов или точек устойчивости и т.д.). Качество этого изменения также зависит от личности самого человека. Из анализа данных, приведенных в вышеописанной системе, легко понять, что влияние на жизнь человека, если анализировать его только с позиции «от человека к человеку», происходит не только от других людей, но и зависит от его собственной личности, и даже имеет связь с социальной средой. Отношения между людьми – это совокупность взаимодействий между индивидами, составляющими общественную иерархическую лестницу. Ваша жизнь не только связана с самим собой, но и связана с другими членами общества, и иногда небольшие действия других членов могут оказать большое влияние на вас. Человеческие отношения фундаментальны для индивидуального интеллектуального развития, так как благодаря им образуются как малые и простые общества (такие как село), так и крупные и сложные (как мегалополис).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Strogatz S.H.** Love affairs and differential equations // *Mathematics Magazine*. 1988. Vol. 61, no. 1. P. 35.
2. **Sprott J.C.** Dynamical models of love // *Nonlinear dynamics, psychology, and life sciences*. 2004. Vol. 8, no. 3. Pp. 303–314.
3. **Любо В.** Отверженные. Роман. [пер. с фр. Д. Лившиц, Н. Коган, Н. Эфрос]. Москва: Эксмо, 2008.
4. **Тырсин А.Н., Костин К.К.** Оценивание логистической регрессии как экстремальная задача // Новые информационные технологии в исследовании сложных структур: материалы 11-й международной конференции, Екатеринбург, 06–10 июня 2016 года. Екатеринбург: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. С. 100–101.
5. **Орлов Ю.Н., Осминин К.П.** «Анализ нестационарных временных рядов», Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша, 2007, 22 с.
6. **Кожанов Р.В., Ткаченко И.М., Кожанова Е.Р.** Показатель Хёрста как мера хаотичности временного ряда // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2020. № 2 (85). С. 38–41.
7. **Зиненко А.В.** R/S анализ на фондовом рынке // *Бизнес-информатика*. 2012. № 3 (21). С. 24–30.
8. **Киевец Н.Г., Корзун А.И.** Сравнение статистик тестов серий и аппроксимированной энтропии // *Доклады Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники*. 2014. № 3 (81). С. 12–17.

9. **Сенченкова Е.В.** Провиденциальное толкование мироздания в романе-эпопее В. Гюго «Отверженные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 99–107. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-1-99-107>

10. **Загайнов А.И., Мусаев А.А.** Анализ изменения фрактальности хаотических процессов // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). 2017. № 39 (65). С. 110–115.

11. **Ивановская О.В.** Социально-философские проблемы гуманизации личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. № 1. С. 5–12.

12. **Киенко Е.В., Морозова И.С.** Специфика самореализации личности в профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 69–78.

13. **Нигматов З.Г.** Развитие гуманизма в истории философских и педагогических учений // Филология и культура. 2003. № 1. С. 58–71.

14. Демонстрационные эффекты [электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxu_u/en-ru.ru.746b726d-62723282-226743b5-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Demonstration_effect

15. **Корсунова В.И.** Сравнительный анализ практики тестирования темперамента управленцев по г. Айзенку и А. Белову // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 2. С. 319–324.

16. **Евдокарлова Т.В., Афанасьева А.А.** Влияние типа темперамента на поведение подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-3. С. 103–105.

REFERENCES

- [1] **S.H. Strogatz**, Love affairs and differential equations. *Mathematics Magazine*, 61 (1) (1988) 35.
- [2] **J.C. Sprott**, Dynamical models of love, *Nonlinear dynamics, psychology, and life sciences*, 8 (3) (2004) 303–314.
- [3] **V. Hugo**, *Otverzhenyye [Les Miserables]*. Roman, per. s fr. D. Livshits, N. Kogan, N. Efros. Moskva: Eksmo, 2008.
- [4] **A.N. Tyrsin, K.K. Kostin**, Otsnivaniye logisticheskoy regressii kak ekstremalnaya zadacha [Estimation of logistic regression as an extreme task], *New information technologies in the study of complex structures: Proceedings of the 11th International Conference, Yekaterinburg, June 06-10, 2016*. Yekaterinburg: National Research Tomsk State University, 2016. Pp. 100–101.
- [5] **Yu.N. Orlov, K.P. Osminin**, Analiz nestatsionarnykh vremennykh ryadov [Analysis of non-stationary time series], *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha [Preprints of IPM named after M.V. Keldysh]*, 2007, 22 p.
- [6] **R.V. Kozhanov, I.M. Tkachenko, E.R. Kozhanova**, Hearst index as a measure of time series randomness, *Vestnik SGTU*, 2 (85) (2020) 38–41.
- [7] **A.V. Zinenko**, R/S analyses of stock market, *Biznes-informatika*, 3 (21) (2012) 24–30.
- [8] **N.G. Kiyevets, A.I. Korzun**, Comparison of serial and approximate entropy test statistics, *Doklady BGUIR*, 3 (81) (2014) 12–17.
- [9] **E.V. Senchenkova**, Providential interpretation of the universe in V. Hugo's epic novel “Les Miserables”. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 1 (2021) 99–107. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-1-99-107>
- [10] **A.I. Zagaynov, A.A. Musayev**, Analysis of fractal changes in chaotic processes, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo instituta (tekhnicheskogo universiteta)*, 39 (65) (2017) 110–115.
- [11] **O.V. Ivanovskaya**, Social-philosophical problems of person's humanization, *RUDN Journal of Philosophy*, 1 (2010) 5–12.
- [12] **E.V. Kiyenko, I.S. Morozova**, The characterisits of levels of self-control of the person, *Bulletin of Kemerovo State University*, 3 (2010) 69–78.
- [13] **Z.G. Nigmatov**, Razvitiye gumanizma v istorii filosofskikh i pedagogicheskikh ucheniy [The development of humanism in the history of philosophical and pedagogical teachings], *Filologiya i kultura [Philology and Culture]*, 1 (2003) 58–71.

[14] Demonstration effects. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.746b726d-62723282-226743b5-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Demonstration_effect

[15] **V.I. Korsunova**, Sravnitelnyy analiz praktiki testirovaniya temperamenta upravlentsev po g. Ayzenu i A. Belovu [Comparative analysis of the practice of testing the temperament of managers by G. Aizen and A. Belov], Elektronnyy vestnik Rostovskogo sotsialno-ekonomicheskogo instituta [Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute], 2 (2016) 319–324.

[16] **T.V. Evdokarova, A.A. Afanasyeva**, Effect of temperament type on adolescent behavior, Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 72-3 (2021) 103–105.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Се Линь

Linyi Xie

E-mail: xly2959@163.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2343-2901>

Загайнов Артем Игоревич

Artem I. Zagaynov

E-mail: zagainov239@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0699-1135>

Поступила: 20.09.2022; Одобрена: 30.09.2022; Принята: 04.10.2022.

Submitted: 20.09.2022; Approved: 30.09.2022; Accepted: 04.10.2022.

Рецензия

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13305>

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ КОММУНИКАТОРА
В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.Е. ЧЕРНЯВСКОЙ
И Е.Н. МОЛОДЫЧЕНКО «РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ, РЕКЛАМНОМ И ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ».
М.: ЛЕНАНД, 2021. 176 С.**

Д.Г. Попов ✉, **В.В. Фокина**

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ klacik_p2@list.ru

Аннотация. Анализируется значение воздействующей коммуникации и текстов с семантикой воздействия в современном исследовательском контексте многих научных дисциплин – теории аргументации, социологии, философии и лингвистики. Специфика языкового воздействия в политическом, рекламном и интернет-дискурсе занимает центральное место в книге В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко, и представляет сложившийся авторский подход. Рецензируемая книга представляет собой уникальное для современной отечественной практической лингвистики издание, позволяющее читателю получить эффективный инструментальный обеспечения профессиональной лингвистической подготовки. Обобщены и представлены ключевые концепции современного языкознания и результаты теоретических и прикладных изысканий авторов. Критически анализируются современные лингвистические подходы и представления о существенной роли языкового аспекта в социальном воздействии.

Ключевые слова: современные коммуникативные практики, коммуникатор, речевое воздействие, рецензия.

Для цитирования: Попов Д.Г., Фокина В.В. Реализация целей коммуникатора в современных коммуникативных практиках. Рецензия на книгу В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко «Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе». М.: ЛЕНАНД, 2021. 176 с. // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 48–54. DOI: 10.18721/JHSS.13305

Review

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13305>

**IMPLEMENTATION OF THE GOALS OF THE COMMUNICATOR
IN MODERN COMMUNICATION PRACTICES.
REVIEW OF THE BOOK BY V.E. CHERNYAVSKAYA
AND E.N. MOLODYCHENKO “SPEECH INFLUENCE IN POLITICAL,
ADVERTISING AND INTERNET DISCOURSE”.
MOSCOW: LENAND, 2021, 176 P.**

D.G. Popov ✉, **V.V. Fokina**

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ klacik_p2@list.ru

Abstract. The paper analyses the role of persuasive communication and persuasive texts as described from the modern research perspective of various scientific areas – argumentation theory, sociology, philosophy and linguistics. Linguistic persuasion in political, advertising and Internet discourse being an innovative approach has come to occupy a central place in the book by V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko. The book under review is a unique publication for modern practical Russian linguistics, which grants the reader an effective range of tools for professional linguistic training. The book summarises and presents key concepts of modern linguistics and the theoretical and practical outcomes of the writers. It also critically discusses modern linguistic approaches and ideas about the crucial role of language in social persuasion.

Keywords: modern communicative practices, communicator, speech influence, review.

Citation: D.G. Popov, V.V. Fokina, Implementation of the goals of the communicator in modern communication practices. Review of the book by V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko “Speech influence in political, advertising and Internet discourse”. Moscow: LENAND, 2021, 176 P., Terra Linguistica, 13 (3) (2022) 48–54. DOI: 10.18721/JHSS.13305

Воздействующая коммуникация и тексты с семантикой воздействия представляют исследовательский интерес для многих научных дисциплин – теории аргументации, социологии, философии и лингвистики. Книга В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко написана лингвистами и отражает современные лингвистические подходы и представления о существенной роли языкового аспекта в социальном воздействии. По своей жанровой специфике это учебник для магистратуры, содержание которого соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. В книге через анализ языкового выражения вскрываются политические, экономические, идеологические интересы использующего язык человека/группы лиц. Этот круг вопросов рассматривается обычно в предметном разделении на риторiku, прагмалингвистику, теорию дискурса, конфликтологию. В отличие от других учебных и справочных изданий в книге В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко разные формы речевого воздействия – прямое, скрытое, аргументация, манипуляция, суггестия, персуазивность показаны в связи с теми коммуникативными практиками, в которых установка на воздействие является доминантной: политика, реклама, СМИ, дискурс потребления.

Важным достоинством учебника является социальный аспект речевого поведения: «В фокус внимания ставится вопрос о том, как через анализ языкового выражения вскрываются социальные, политические, экономические, идеологические интересы, оценки использующего язык человека/группы лиц» [1, с. 9]. Благодаря исследованию можно продолжить дискуссию о роли социолектов, гендерлектов и идиолектов в коммуникативных практиках современного общества.

Несмотря на дискуссионность данного подхода существуют интересные исследования, основанные на анализе различий в речевых и невербальных кодах разных социальных групп [2].

Немаловажным обстоятельством является также признание возможности прогнозировать последствия общественно значимых процессов, опираясь на анализ текстов политиков, бизнесменов, религиозных деятелей. Метод когнитивного картирования учитывает структуру и логику построения личностно окрашенного текста. Фактически речевое высказывание является внешним отражением человеческого мышления. Например, исследователи посредством изучения текстов прогнозируют поведение политиков в кризисных ситуациях, и этот метод вполне классический с точки зрения анализа принятия решений или прогнозов в рамках создания операционных теорий управления.

Авторы исследуют феномен речевых технологий применительно к разным видам социальной коммуникации. Логичным представляется определение, согласно которому «речевые технологии понимаются [...] как совокупность специальных научно обоснованных и практически проверенных языковых и – шире – коммуникативных приемов, обеспечивающих адекватное и оптимальное языковое выражение для достижения коммуникативно обусловленных целей» [1, с. 10]. При этом возникает резонный вопрос – бывают ли цели коммуникации, не связанными с воздействием на аудиторию? Если обратиться к ключевым целям, среди которых информирование, поддержание контакта, убеждение (в совершении какого-либо действия), подкрепление, формирование имиджа, продвижение, пропаганда, то даже на первый взгляд нейтральные цели, могут содержать в себе мотивы воздействия на получателя сообщения. В данном контексте выбор авторами центральной линии, связанной с «воздействующей» функцией речи, представляется целесообразным и логичным.

Если рассматривать речь, включенной в «семиотическое поле», то ярко прослеживается эволюция научных взглядов на практическое использование языковых средств. Эволюция этого вопроса прослежена в другом учебном издании, а именно учебнике под редакцией Михаила Алексеевича Василика. Его ключевой тезис таков: сначала ученые занимались синтактикой: синтаксисом, композицией, морфологией текста; затем центр исследований переместился в область семантики: изучались отношения элементов (знаков) к внешнему миру, соотношение знак – понятие, языковая «картина мира», значения слов, применимость экстансиональных и интенциональных синонимов; в настоящее время основные исследования ведутся в области прагматики (говорящего и пишущего субъекта, его различных Я, отношений между отправителем и адресатом, несовпадения номинативной и коммуникативной функций, словесного воздействия, убеждения и т.п. [3, с. 167–173]. Экстансиональная синонимия интересна с точки зрения изучения приемов воздействия на аудиторию посредством средств массовой коммуникации, в этом направлении представлены и семантические и прагматические аспекты.

Как отмечают В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодыхенко, «значение высказывания стало неотделимым от прагматической ситуации, от коммуникативной цели автора сообщения и, далее, стало изучаться как часть дискурсивной практики» [1, с. 17]. «В содержательной структуре слова сосуществуют два основных компонента – предметно-понятийный и оценочный, прагматический» [1, с. 44]. Второй компонент наделяет понятие разными оттенками, влияющими на отношение отправителя сообщения к предмету и реципиенту. Для адекватного понимания высказывания внутри лингвистики стал привлекаться комплекс экстралингвистических факторов, неязыковых компонентов ситуации [1, с. 17]. В живой спонтанной речевой коммуникации всегда присутствуют невербальные компоненты – экстралингвистические аспекты коммуникации, такие как паузы, покашливание, смех, а также паралингвистические, в том числе, тембр голоса, темп, диапазон тональности, визуальное изображение.

Авторы отмечают, что «речь – это целенаправленное когнитивное (мыслительное) и коммуникативное действие, основной способ осуществления взаимодействия людей» [1, с. 17]. Одно-

временно «речь представляет собой одну из самых сильных и результативных форм воздействия. Язык есть один из инструментов социальной «власти» [1, с. 18]. Это инструмент реализации управляющего воздействия одного индивида на другого в процессе коммуникации. Вместе с тем очевидно и другое, в политических исследованиях содержится положение, согласно которому управление возможно только, если объект управления готов признать главенство управляющего, что делает процесс двусторонним с точки зрения политики. Получатель политических сообщений может быть объектом манипулирования, а не добровольно принявшим правила игры. Вероятно, это обусловлено ненасильственной природой коммуникационного воздействия и грамотным использованием ресурсов власти. В.Е. Чернявская и Е.Н. Молодых пишут, что: «Воздействие на воспринимающее сознание может оказываться особым речевым формулированием, нацеленным на внедрение в сознание другой личности определенных оценок, мнений, отношений» [1, с. 19–20].

В данной связи особый интерес представляет тот тезис, который авторы выдвигают вслед за известным немецким лингвистом Харальдом Вайнрихом: «язык – это средство скрывать мысли, а не только выражать их» [1, с. 21]. Для выражения мыслей и идей предназначены коды невербальной коммуникации. При анализе непрямого высказывания [возникает] необходимость интерпретационных усилий со стороны адресата, его осознание ситуации языковой игры. Предполагающей декодирование дополнительных, скрытых смыслов [1, с. 22]. Как отмечают авторы, «выбор слова не нейтрален». Здесь можно вспомнить «легенду» о надписи в метрополитене, где пришлось заменить надпись: «Выхода нет» на «Выход рядом», чтобы сократить количество суицидов. использование текста как инструмента управления и манипуляции поведением характерно и для маркетинга и менеджмента и конечно же для коммуникативистики. Слоганы, разговорки, тосты имеют как символическое, так и инструментальное значение в рамках социального взаимодействия и напрямую воздействуют как на потребительское поведение в целом, так и на индивидуальное сознание.

Авторы говорят о возрастающей роли «неориторики» в современной реальности [1, с. 28]. Вместе с тем «неориторика» и есть прагматика, как отмечается в учебнике М.А. Василика, существует соответствие между средневековым «тривием» гуманитарных наук и разделами семиотики. Грамматика – Синтактика – Знак-Знак. Логика (диалектика) – Семантика – Знак-Предмет. Риторика – Прагматика – Знак-Человек [3, с. 167].

В любом случае все сходится на необходимости аргументации: «... речевое воздействие может осуществляться при помощи убеждения, рациональных механизмов, то есть аргументирования, а также посредством воздействия на эмоциональную сторону индивида. В этом случае говорят о внушении, или, иначе, суггестивности» [1, с. 29]. При этом для отправителя сообщения выбор аргументов будет зависеть от оценки адресата, характера аудитории, в последнем случае, как от индивидуальных качеств получателей обращения, так и от мышления и потребительского поведения в интересах определенной группы. В частности, в ранней модели «привратника» Курта Левина отбор информации и ее интерпретацию осуществляет определенное частное лицо в интересах семьи, в более поздней – редактор СМИ, исходя из интересов канала и/или других структур.

Вместе с тем в модели двухступенчатой коммуникации современный лидер мнения руководствуется рациональными для него аргументами, а для своей аудитории может использовать тактику манипулирования чувствами. Авторы выделяют целый ряд лингвистических явлений, обладающих сильным воздействующим потенциалом: тропы, средства образности, метафоры, антитезы, «афффективы» – эмоционально-оценочные слова, эвфемизацию. Тем самым «манипуляция противопоставляется аргументативному воздействию [1, с. 36], что представляется нам здесь несколько спорным. Так как не менее значительным способом побуждения к действию через убеждение можно считать манипулятивный отбор фактов, совершаемый коммуникатором в

своих целях или целях заказчика, например, реклама. Если понимать под рекламой — оплаченную, не персонализированную коммуникацию, осуществляемую идентифицированным спонсором и использующую средства массовой информации с целью склонить (к чему-то) или повлиять (как-то) на аудиторию. [4, с. 32].

Вполне распространенной технологией интегрированных маркетинговых коммуникаций сегодня является сенсорный брендинг, запускающий механизм воздействия на все пять органов чувств, при этом всё это невербальные коды, которые изучают специальные науки, в том числе, такесика, кинесика, проксемика, гаптика, аускультация. Это значит, что одного речевого воздействия недостаточно, должны быть своего рода «усилители», которые апеллируют к подсознанию на уровне рефлексов человека. А для этого требуется запланированная программа и эксперименты. Например, создание образов в коллективном сознании посредством стереотипа, который представляет собой «упрощенное, заранее принятое в общественном сознании представление, не вытекающее из собственного опыта человека» [1, с. 47]. При этом, как отмечают авторы, отказов от стереотипов не предвидится, так как они позволяют человеку «экономить психологические усилия», упрощая и схематизируя реальность [1, с. 48]. Другими психологическими особенностями участников коммуникации являются: влияние самооценки, проецирование и эффект ореола, не требующие погружения в анализ личности другого лица.

Речевые стереотипы связываются с понятием речевого штампа, то есть механически употребленного образца, утратившего стилистическую выразительность или речевого клише — трафаретного, повторяющегося выражения... В результате какие-то области жизни, явления, воспринимается автоматически, с «выключенной» рефлексией у адресата [1, с. 54]. В частности, противопоставление «ин-группы и аут-группы», «мы — они», когда категория «мы» освещается в положительном контексте, а категория «они» — в отрицательном [1, с. 48].

Позитивные действия «своих» объясняются внутренней природой, негативные — внешними обстоятельствами, для «чужих» — происходит все наоборот. С точки зрения воздействия на коллективное сознание и на формирование общественного мнения — незаменимый инструмент, активно используемый в современном общественно-политическом дискурсе.

В книге на нетривиальном материале показано использование фреймов и рефрейминга как инструментов конструирования контекстов, что находит свое практическое применение в рекламных текстах. Наряду с приемом установления желательных причинно-следственных связей, этот инструмент способствует эмоциональному усилению главной идеи, например, продвижению политического или коммерческого продукта. Контекст тем более важен, что позволяет получателю сообщения самостоятельно реконструировать дополнительные смыслы и значения. Авторы отмечают, что с точки зрения лингвистической прагматики не все смыслы, которые извлекаются получателем сообщения, содержатся в значении предложения, некоторые смыслы декодируются адресатом исходя из буквального значения языковых единиц, контекста и «негласных правил» коммуникации [1, с. 66].

Нельзя не согласиться с авторами, что сегодня существенное значение имеет выбранный отправителем коммуникативный канал [1, с. 79]. Необходимость выбора коммуникационного канала продиктована физиологическими особенностями получателя сообщения (аудио или видео), социально-демографическими параметрами (печатный или электронный канал), ценностными ориентациями (желтая пресса или авторитетное издание). Поиск своей аудитории и средств воздействия на нее неотделим от канала. Говоря о растущей популярности Интернет-канала, авторы отмечают его рефлексивные практики [1, с. 149]. Потребитель информационного контента встраивается в рекламный текст, тем самым обеспечивается адресность, сопричастность и включенность реципиента в понимание смыслов. В современных реалиях коммуникант становится сопроизводителем информационного продукта и коммуникатором как на своих, так и на чужих

ресурсах, порождая UGC – контент, создаваемый пользователем. Один из основателей Торонтской школы коммуникации Маршалл Маклюэн отмечает, что «современная электронная связь строит мир по образцу «глобальной деревни»» [5, с. 64].

Коммуникации в Интернет-среде, по М. Маклюэну, представлены в виде «электронной устности», что возвращает к первой коммуникативной революции, связанной с возникновением вербального и невербального языка общения, но на новой стадии развития [6].

Линейность уступает место мозаичности, цельность – фрагментации, чтение – аудиальным и визуальным форматам. Сегодня получатель информации действует в пространстве Web 3.0 – его называют «семантический Web», и сегодняшнее взаимодействие определяют, как офлайн-онлайн взаимодействие, или Phygital-взаимодействие. Этот термин отражает объединение двух реальностей – физической и цифровой: Physics + Digital. Для современного человека нет границ между цифровым и физическим мирами, Phygital-коммуникации – это единство трех элементов: письменная, устная речевая с невербальными компонентами речи (паралингвистическими и экстралингвистическими), визуальная [7, 8].

Интересным для исследователей и значимым в практике преподавания является поиск путей сопротивления манипулятивному воздействию, которые предоставляет Интернет-среда. В качестве рекомендации к дальнейшим разработкам в этой области акцентируем внимание на этом аспекте и авторов рецензируемой книги и ее читателей. Так, на с. 36 формулируется, что «одно и то же сообщение может иметь манипулятивную силу для одних и не иметь таковой для других. Условием успешности манипуляции в таком случае будет, к примеру, некритическое мышление и низкий культурный уровень реципиента [1, с. 36]. Добавим, что активизировать критическое мышление может наличие большого количества альтернативных информационных сообщений из разных источников, что дает получателю возможность выбора, а также создание собственного информационного контента.

Содержащиеся в тексте полемические моменты являются ее достоинством, так как инициируют дискуссию на основе разных подходов, мнений, интерпретаций важных феноменов и реалий современной науки и практики. Учебник будет полезен студентам, обучающимся по социо-гуманитарным направлениям подготовки, а также преподавателям, работающим в сфере коммуникативистики.

Предлагаемая структура и логика анализа, выбранные авторами, напоминают логику дедукции, где авторы от фундаментальных теоретических вопросов, таких как язык как инструмент воздействия и речевое воздействие в лингвистике переходят к рассмотрению стратегий и тактик воздействующей речи и, далее, к коммуникативным практикам речевого воздействия, в контексте политического дискурса, рекламного и Интернет-продвижения, потребительского поведения. При этом в объяснении авторы переходят от традиционного восприятия массовой аудитории к аудитории специализированной и персонифицированному потребителю, что несомненно отражает современные реалии и актуально.

Представлен целостный, системный междисциплинарный труд, учитывающий специфику научных исследований в коммуникативной предметной области, а также примеры практического использования в разных коммуникативных отраслях. Авторы основательно и глубоко представляют читателю междисциплинарные социо-гуманитарные концепции, сочетают в своем анализе разработки в лингвистике, философии, риторике, политологии, опираясь при этом на обширную источниковедческую базу отечественных и зарубежных исследований в мировом контексте. Книга будет востребована студентам высших учебных заведений, а также специалистам в области лингвистической экспертизы, связей с общественностью, политтехнологий, маркетинговых технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н.** Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: ЛЕНАНД, 2021. 176 с.
2. **Скаженик Е.Н.** Деловое общение. Учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. 180 с.
3. **Василик М.А.** Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2007. 615 с.
4. **Уильям Уэллс.** Реклама: принципы и практика = Advertising: principles & practice. СПб.: Питер, 2001. 736 с.
5. **Маклюэн М.** Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. с англ. И.О. Тюриной. М.: Академический проект, 2020. 443 с.
6. **Маклюэн Г.М.** Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М., 2003. 464 с.
7. **Горшкова Н.Э., Чернявская В.Е.** Визуальная интертекстуальность как способ смыслопорождения // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 4. С. 689–700. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700
8. **Чернявская В.Е., Горшкова Н.Э.** Визуальная метафора в персуазивной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. 202. С. 175–182. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182

REFERENCES

- [1] **V.E. Chernyavskaya, E.N. Molodychenko**, Rechevoye vozdeystviye v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse [Speech influence in political, advertising and Internet discourse]. M.: LENAND, 2021. 176 p.
- [2] **E.N. Skazhenik**, Delovoye obshcheniye. Uchebnoye posobiye [Business communication. Study guide]. Taganrog: Izd-vo TRTU, 2006. 180 p.
- [3] **M.A. Vasilik**, Osnovy teorii kommunikatsii [Fundamentals of communication theory]. M.: Gardariki, 2007. 615 p.
- [4] **William Wells**, Reklama: printsipy i praktika = Advertising: principles & practice. SPb.: Piter, 2001. 736 p.
- [5] **M. Maklyuen**, Galaktika Gutenberga. Stanovleniye cheloveka pechayushchego [The Gutenberg Galaxy. The formation of a person typing], translated from English I.O. Tyurinoy. M.: Akademicheskii proyekt, 2020. 443 p.
- [6] **G.M. Maklyuen**, Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka [Understanding Media: External Human Extensions], translated from English V. Nikolayeva. M., 2003. 464 p.
- [7] **N.E. Gorshkova, V.E. Chernyavskaya**, Visual intertextuality as a method for meaning generation, Communication Studies, 8 (4) (2021) 689–700. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).689-700
- [8] **V.E. Chernyavskaya, N.E. Gorshkova**, Visual metaphor in persuasive communication, Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 202 (2021) 175–182. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Попов Дмитрий Геннадьевич
Dmitrii G. Popov
E-mail: klacik_p2@list.ru

Фокина Вероника Викторовна
Veronika V. Fokina
E-mail: vfokina.org@mail.ru

Поступила: 06.09.2022; Одобрена: 30.09.2022; Принята: 04.10.2022.
Submitted: 06.09.2022; Approved: 30.09.2022; Accepted: 04.10.2022.

Научная статья

УДК 81"33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13306>

ДИМИНУТИВЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНДЕКС: «НАДЕНЬТЕ МАСОЧКУ» И «МАШИНКА ПОДАНА»

В.Е. Чернявская^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Балтийский федеральный университет им И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

 chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Аннотация. В статье рассматривается, как в современной русскоязычной коммуникативной практике использование диминутивов становится маркером социальной типизации и социально значимых характеристик человека/группы лиц. Показывается, что при использовании уменьшительных форм слова прослеживается очевидная асимметрия между семантикой и прагматикой языковой единицы. Диминутивы представляют исследовательский интерес в связи с дополнительными значениями, которые возникают у языковых единиц, выражающих значение малого размера. Выражаются субъектные, оценочные смыслы по отношению к предмету сообщения и к его адресату. Тенденция к использованию уменьшительных суффиксов в повседневном и интернет общении сделала диминутивы значимым объектом для наблюдения социальной типизации, стоящей за характерным использованием лингвистических форм. Анализ выполнен с теоретико-методологических позиций дискурсивного анализа, социолингвистики, метапрагматики, учитывает объяснительные возможности концепции социальной индексальности и социального значения, возникающего у языковой единицы в контекстуализации. Лингвистические разработки с опорой на понятие «социальное значение» применительно к прагматике диминутивности создают значимую исследовательскую перспективу в анализе социального позиционирования человека, выбирающего языковое средство в коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: диминутив, социальное значение, социальная индексальность, прагматика, метапрагматика.

Финансирование: Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» № 22-18-00591.

Для цитирования: Чернявская В.Е. Диминутивы как социальный индекс: «наденьте масочку» и «машинка подана» // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 3. С. 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306

DIMINUTIVE WORDS AS SOCIAL INDEX: “PUT YOUR MASKY ON” AND “GET THE CARY”

V.E. Chernyavskaya^{1,2}

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation;

² Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation

✉ chernyavskaya_ve@spbstu.ru

Abstract. The article discusses how the use of diminutives in modern Russian communicative practice becomes a marker of social typification and socially significant characteristics of a person/group of persons. When using diminutive forms of a word, there is an obvious asymmetry between the semantics and pragmatics of a linguistic unit. It is revealed that diminutives are of research interest in connection with the additional meanings that arise when expressing the meaning of small size, namely subjective, evaluative meanings in relation to the subject of the message and to its addressee. The trend towards the use of diminutive suffixes in everyday and internet communication has made diminutives a significant object for observing the social typification behind the linguistic choices. Theoretically and analytically, the present research is based on modern approaches in discourse analysis, sociolinguistics, metapragmatics, and takes into account the explanatory charge of the conception of social indexicality and social meaning that are manifested and become visible in discourse in the process of contextualization of linguistic units. The notion of social meaning in relation to the pragmatics of diminutive words provides a significant research perspective in the analysis of individuals making linguistic choices in communicative activity and of their social positioning.

Keywords: diminutive words, social meaning, social indexicality, pragmatics, metapragmatics.

Acknowledgements: The article was carried out with the financial support of the RGNF grant “Pragmasemantics as an interface and an operational system of meaning formation” No. 22-18-00591.

Citation: V.E. Chernyavskaya, Diminutive words as social index: “put your masky on” and “get the cary”, *Terra Linguistica*, 13 (3) (2022) 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306

Введение

В различных концепциях в прагматически ориентированной лингвистике, складывавшихся в последней трети XX века, исследовательский фокус делался на том, как слово и высказывание наполняется смыслами в коммуникативной ситуации, в практике социального взаимодействия. Сегодня это создает значимое поле исследований в дискурсивном анализе, в социолингвистике, в проекции метапрагматики [1–5]. В основе новых современных разработок лежит высказанный в период прагматического перелома в лингвистике тезис о нетождественности семантического и прагматического значений языковых знаков. Семантика не объясняет все то, что мы достигаем через использование языковых единиц, и это стало основополагающим утверждением для современного понимания языка. Поступательное движение в этом направлении шло через методологическое заострение объяснительных возможностей прагматики и семантики, через различение смыслов в контексте и значений, идущих от языковой системы. В центр внимания выдвигался вопрос о том, как выявлять и показывать такие различия, на каком уровне языкового анализа они делаются очевидными и существенными для понимания. Сложилась объяснительные концепции социальной индексальности и социального значения, показывающие, как использование языковой единицы создает устойчивые фреймы восприятия и связывает ее с определенными

характеристиками идентичности человека, использующего язык [6–8]. Социальный индекс (социальное значение знака) возникает при контекстуализации в типичных социальных ситуациях и отсылает к типизированным социальным атрибутам участников коммуникативного акта. Социальное значение актуализируется, если оно воспринимается в социальном взаимодействии как использованное для выражения определенных смыслов.

В статье рассматривается, как в современной русско-язычной коммуникативной практике использование диминутивов, то есть уменьшительных форм слова, выражающих значение малого размера, становится маркером особых, социально значимых характеристик человека/ группы лиц. Диминутив в русском языке показывается в перспективе его социального значения. Теоретические основы изучения социальной индексальности и разработки, представленные в последние годы американскими и западно-европейскими исследовательскими школами социолингвистики, для обзора см.: [9], имеют глубокую традицию изучения «сознания в социуме», если использовать здесь формулировку Л.С. Выготского. Семиотически ориентированная теория сознания русского психолога заложила фундамент тех положений, которые сегодня стали связываться с дискурсивным анализом и интеракционной социолингвистикой. Выготский сформулировал принцип социальной детерминированности поведения, осуществляемого с помощью знаков: «Знак всегда первоначально является средством социальной связи, средством воздействия на других и только потом оказывается средством воздействия на себя» [10, с. 141]. Это положение в последствии было глубоко отрефлексировано и разработано М. Бахтиным (В. Волошиновым) как «социология слова». Показано, что слово – основной и наиболее чувствительный социальный индекс, выявляющий социальную динамику. «Слово – социальное событие» [11, с. 83].

Диминутив как объект изучения в прагматике

В выражении малого или уменьшенного размера и соответственно в употреблении диминутивов в русском языке прослеживается очевидная асимметрия между семантикой и прагматикой языковой единицы. Диминутив (или деминутив) обозначает уменьшительную форму слова, передающую субъективное значение малого размера. Диминутивность в русском языке широко обсуждается как с точки зрения структуры языка, морфологических и грамматических возможностей выражения значения малого размера, так и в перспективе культуры речи [12–16]. Диминутивность может выражаться морфологически, через прибавление суффикса к основе слова: *пальчик, масочка, книжечка* (в английском языке *bookie* в английском), а также лексически с использованием слов с оценкой уменьшительности, например, прилагательных *маленький стол*. Диминутивный суффикс не имеет зафиксированного значения в зависимости от семантики слова.

Диминутивы представляют исследовательский интерес в связи с дополнительными значениями, которые возникают у языковых единиц при выражении уменьшительности. Эти дополнительные значения находятся в проекции прагматики, то есть субъективных, оценочных смыслов по отношению к предмету сообщения и к его адресату. В русском языке для характеристики значения уменьшительности, передаваемого диминутивами, используются термины «уменьшительно-ласкательный» и «уменьшительно-уничижительный», «пренебрежительный». Языковая единица с диминутивным маркером может использоваться для выражения доброжелательного отношения к адресату, уменьшая в том числе категоричность просьбы: *Масочку наденьте!* Одновременно диминутивы характерны для выражения иронии, пренебрежительного, фамильярного отношения использующего их человека к предмету или адресату. Например, *доцентик*. Между уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-пренебрежительным в русском языке тонкая грань.

Диминутивы обозначают не только уменьшительный признак (малый размер), но и выражают оценочное отношение субъекта речи к собеседнику. Диминутивность имеет различное проявление в разных языках, это значит, что эта языковая категория имеет различный содер-

жательно-смысловый объем и опирается на разные языковые средства актуализации. Это становится очевидным в межъязыковой и межкультурной коммуникации, в переводческой практике. В русском языке аффиксальный способ выражения диминутивности наиболее развит, что не имеет соответствия, например, в английском языке при передаче значения таких языковых единиц, как *солнышко*, *щечка*, *хлебушек*. Асимметрия между семантикой и прагматикой, подчеркиваемая здесь, фокусирует наиболее значимый аспект работы с диминутивами в переводе: на первый план выходит не только и не столько денотативное значение малого размера, но характер отношений коммуникантов между собой, их коммуникативные роли и социальное позиционирование. Прагматические значения языковых единиц с диминутивными суффиксами представляют значительную трудность в переводе. Именно в сравнении двух различных языков, в практике перевода, например, с русского на английский, отчетливо проявляется нетождественность на уровне семантики, денотативного значения слова и прагматики, теми смыслами, которые закладываются отправителем и воспринимаются адресатом. Высказывания типа «Зайдите на часок», «Красивенько здесь», «Еду в командировочку» несут субъективно-оценочное значение и социальные характеристики коммуникантов, их гендерный, возрастной, профессиональный статус¹.

Сложилась коммуникативные практики речевого поведения, в которых использование диминутивов воспринимается как уместное и характерное. Это прежде всего ситуация общения с детьми, так называемые «детоцентрические ситуации» (*baby talk*) и детская речь, когда диминутивы являются одним из признаков «языка мамочек» и «языка нянь» и, следовательно. Маркером социальной атрибуции человека, использующего диминутив. При этом под «детоцентрической ситуацией» понимается как речь детей, так и речь взрослых, обращенная к детям и о детях. Именно в детской речи активно используется уменьшительность (*мячик*, *ложечка*, *ботиночки*) для выражения умиления, симпатии и уменьшительность характерна и оправдана в том числе как прямое обозначение малого размера — «у взрослых есть руки, ноги, ботинки, у малыша — ручки, ножки, ботиночки».

Диминутивы считаются уместными в общении с домашними животными.

Диминутивы изучаются как характеристика гендерной специфики языка, а именно сентиментально окрашенной женской речи для выражения симпатии, умиления, одобрения. Слова с уменьшительными суффиксами выдают женскую речь, маркируют ее как более эмоциональную, чем речь мужчин, с преувеличенной экспрессивностью, уменьшительно-ласкательностью, мягкостью, эмпатией к собеседнику.

Диминутивы как «зона нетерпимости» в русском языке

Диминутивность наблюдаема сегодня и в тех лексических сферах, в которых их использование рассматривалось как неуместное, например, уменьшительные суффиксы прибавляются к абстрактным языковым единицам: *печалька*, к терминам: *сосудики подлечим*, *сделаем укольчик*, к заимствованиям: *экслюзивчик*, *пиарчик*.

Тенденция прибавлять уменьшительные суффиксы в общении сделала диминутивы интересным объектом для наблюдения и анализа социальной типизации, стоящей за характерным использованием лингвистических форм.

Сегодня мы наблюдаем проявление социальной реакции на диминутивы как «зону нетерпимости» в языке. Диминутивы воспринимаются как «антислова», а уменьшительные суффиксы

¹ В книге «Легкие миры» Татьяна Толстая, описывая свой опыт жизни в Америке в англоязычной среде, называет уменьшительные суффиксы русского языка средством передавать разные оттенки настроения, смягчать, успокаивать, расслаблять, создавать доверие: «Вы же не будете говорить: «Ешьте морковь». Она же колом в горле встанет. «Вот колбаса». «Жуй хлеб». Даже на письме слышен грубый голос говорящего. [...] Услышьте их в этом контексте. Вот жена мужу говорит в магазине: «Какой сырик купим?» Это она не к сырику любовь испытывает, это она воркует с мужем, с его непредсказуемым настроением. [...] Винцо и водочка. Селечка под свеколкой. Картошечка. (С солью.) И с лучком. Маслице, особенно маслице. Колбасынька. Яичечко. Сырик. На хлебушке. Потом чаёк. И спатеньки». Т.Н. Толстая. Легкие миры. М. 2014. С. 41.

приобрели символическую характеристику низкой речевой культуры. Диминутивы вызывают неприятие и желание противостоять им как «противному сюсюканию», инфантильному, «мимишному» языку.

Показательна публикация в газета «Московские новости» с названием «Колоночка про диминутивчики. Почему уменьшительно-ласкательные суффиксы вызывают ненависть»:

На днях в эфире Коммерсант ФМ, где я имею честь трудиться, у меня во время прогноза погоды как-то самой собой сорвалась с языка фраза «Будет прохладненько». Буквально на следующий день я узнала, что, оказывается, несколько человек в этот момент подпрыгнули в машинах, как будто услышав джингл «breaking news», и в порыве гнева едва не разбили аппаратуру. Не то чтобы я очень любила такие уменьшительные формы, нет. Скорее, напротив, стараюсь по возможности их избегать, но иногда, если это выходит как-то естественно, употребляю. Тем интереснее мне показалась реакция на произнесенное, которую я бы назвала типичной: подавляющее большинство тех, кто меня окружает, действительно ненавидят слова с уменьшительными суффиксами. [...]

На той же неделе, буквально тремя днями позже, эта тема вновь дала о себе знать. Известный журналист и медиатренинг-автор многочисленных книг по телевизионному мастерству Нина Зверева рассказывала на своем юбилее, как писала свое первое литературное произведение — детскую книжку о собаке «Скайпик». Когда рукопись была готова, она отправила ее знакомому профессору литературы. Первое и главное, что тот посоветовал сделать, это убрать все уменьшительные суффиксы и заменить «хвостик, носик, лапки и ушки» на «хвост, нос, уши и лапы». «Я сама удивилась этому эффекту, но книга сразу стала совершенно другой, как будто все встало на свои места», — призналась автор².

Использование диминутивов обнаруживает очевидную индексальную связь с социальным статусом человека и в такой проекции становится маркером социальной атрибуции использующего диминутив и его адресата, см. подробнее [17]. Прагматическое значение при этом различно и может быть выражением коммуникативно неравноправных ролей в самой широкой растяжке, а именно отражением социальной иерархии между коммуникантами, профессиональной субординации одного по отношению к другому, гендерной и возрастной разницы. Использование диминутива может приобретать просительные интонации: *Я к вам за справочкой*, снисходительный смысл при обращении к пожилому человеку *Идите ножками или сервильный, угодливый характер: Машинка подана*. В этой связи Менькова Н.В. справедливо подчеркивает, что неверное определение социально-ролевого статуса партнера по коммуникации и, как следствие, неверно выбранное речевое поведение, неуместность диминутивной формы становится одной из причин неприятия диминутивов, выражаемого сегодня в публичном дискурсе [15].

Уменьшительные суффиксы в словах воспринимаются в обществе как характерная индексальная отсылка к сфере обслуживания и сервильности. Это одна из форм настойчивого предложения своих услуг и навязывание товара, за которыми «чувствуется не столько вежливость, сколько заискивающий тон, желание быть угодным» [18, с. 68–69].

В социальных сетях популярными стали слова «макияжик», «бровки», «реснички», «ноготочки» и другие диминутивные формы. Характерные формулировки в контексте таковы: *«Здравствуйте, милые девушки. Меня зовут Анастасия, я мастер ногтевого сервиса. Сделаю ваши ручки красивыми и ухоженными. Гарантия на маникюр с покрытием 3 недели».*

В социальных сетях выводятся так называемые «хэштеги» с этими словами, указывающие на обсуждение работы специалистов в сфере услуг. Ср.: *Сделала #ноготочки*, ведь вечером встреча с *подруженькой! #ноготочки*. *Пойду на ноготки* сделать такие? Ваши предложения в комментарии. *#Макияж на выпускной в Эль стиль! #Макияжик*.

Сегодняшний *#макияжик*. У меня новый клиент, учу *#макияжику*. *Масочки* для комфортного сна и отдыха в наличии. *#Масочка*.

² Источник <https://www.mn.ru/columns/20120529/319235525.html>

«Сосули» или «сосульки»?

В 2010 году широкий общественный резонанс вызвало предложение действующего тогда губернатора Санкт-Петербурга Валентины Ивановны Матвиенко «сбивать сосули лазером», чтобы предотвратить повреждение крыш при очистке наледи. Появление наледи и снежных сугробов на крышах домов является характерной приметой зимнего времени для Санкт-Петербурга. Наледь в виде огромных сосулек появляется на большей части городских крыш, особенно при температурных колебаниях. Это вызывает постоянные нарекания и критические настроения среди петербуржцев.

«Срезать лазером или паром сосули. Если ученые Петербурга разведут руки и скажут, что сосули можно только ломом сбивать, то будем сбивать ломом», – сказала губернатор в феврале 2010 г. на совещании, посвященном уборке города после снегопада. Валентина Матвиенко напомнила, что Петербург является центром инновационных технологий и имеет высокий научный потенциал³.

Использование новообразованного слова «сосуля» вызвало ироническую реакцию в обществе. В СМИ, в пространстве интернета появились сообщения, тексты, созданные под влиянием высказывания губернатора Санкт-Петербурга, предлагающие свои варианты нормативных слов без уменьшительного суффикса: «тарела» вместо тарелка, «була» вместо булка, «снежина» вместо «снежинка», «шапа», «рюма и бутыла» и т. д. На волне общественного резонанса сделали высказывание и представители Российской Академии Наук о том, что слово «сосули» не нарушает норм русского языка, со ссылкой на мнение старшего научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН Е. Геккиной. Из слов специалиста следовало, что «сосули» причисляют к редко употребляемым вариантам привычного слова «сосульки», и разные версии произношения и написания не нарушают нормы речи и слово «сосули» можно встретить в художественной литературе⁴.

Зафиксированность варианта произношения слова «сосулька» в словарях не является предметом обсуждения в рамках статьи. Интерес представляет собственно интерпретация, которая делает этот кейс примечательным в проекции социальной индексальности языковой формы и ее социального значения. Почему в речи губернатора города была выбрана форма слова без суффикса *-ка*? Суффикс *-ка* помимо того, что является основным для номинации женщин по роду деятельности, профессии (*артистка*), используется для создания уменьшительных и укороченных форм слов. Например: *минералка* (минеральная вода), *подземка* (подземная дорога, метро), в том числе в именах собственных – *Любка*. Производные с *-ка* имеют в этом случае разговорный, фамильярный оттенок.

Можно предположить, что спонтанно образованная в речи губернатора словоформа «сосуля» должна была отойти от просторечности, неподобающей важности ситуации. Уборка города в условиях снегопада была выдвинута как важная общественно значимая, политическая составляющая, как показатель эффективности городского правительства. Очевидно, что целью обсуждения на заседании правительства города было создание жесткого, требовательного настроя на решение проблемы. Суффикс *-ка* и его значение уменьшительности не работал на серьезность и важность момента, диссонировал с политически значимым контекстом. Была интуитивно и спонтанно выбрана (сконструирована) та языковая форма, которая воспринималась бы уместнее в политически значимом контексте обсуждения уборки наледи.

Заключение

Лингвистические разработки с опорой на понятие «социальное значение», в том числе применительно к прагматике диминутивности, создают значимую исследовательскую перспективу в анализе социального позиционирования человека, выбирающего то или иное языковое сред-

³ Источник РИА Новости <https://ria.ru/20100202/207342340.html>; газета «Комсомольская правда» <https://www.spb.kp.ru/online/news/611194/>

⁴ Источник https://www.dp.ru/a/2016/11/17/RAN_priznala_sosuli_nor

ство в своей коммуникативной деятельности. Они показывают устойчивый характер связи между языковым знаком и тем социально значимым контекстом, в котором этот знак становится маркером особой социальной идентичности человека. Через анализ тонких прагматически значимых нюансов в передаче диминутивности мы получаем доступ к тому, как люди используют язык в разных коммуникативных сферах и как экстралингвистические факторы влияют на порождение и понимание высказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Silverstein M.** Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function // J. Lucy (ed.) *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge University Press. 1993. Pp. 33–58.
2. **Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.** Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3 (48). С. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84
3. **Молодыхенко Е.Н.** Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. № 18 (2). С. 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207
4. **Чернявская В.Е.** Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2. Pp. 31–37.
5. **Чернявская В.Е.** Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М. 2018.
6. **Чернявская В.Е.** Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020. № 1 (17). С. 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
7. **Чернявская В.Е.** Социальное значение в зеркале политической корректности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. № 2 (18). С. 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
8. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. URSS. 2021.
9. **Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е.** Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. № 19 (1). С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
10. **Выготский Л.С.** Проблемы развития психики // *Собрание сочинений в 6 т. Т. 3*. М. 1983.
11. **Волошинов В.Н.** Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики (1926) // М. Бахтин (под маской). *Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи*. М.: Лабиринт. 2000. С. 72–94.
12. **Воронина Л.П.** Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 359. С. 15–17
13. **Кузьменкова В.А.** Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // *Язык. Сознание. Коммуникация*. М.: МАКС Пресс. 2007. С. 38–50.
14. **Лескина С.В., Слабко Ю.В.** Способы сохранения диминутивности при переводе (на материале художественных произведений на русском и английском языках) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12-1 (66). С. 112–115.
15. **Менькова Н.В.** Диминутивы как речевая неудача // *Верхневолжский филологический вестник*. 2018. № 4 (15). С. 127–136.
16. **Фуфаева И.В.** Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. № 3. С. 257–266.
17. **Молодыхенко Е.Н.** Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2022. Т. 13, № 2. С. 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202
18. **Золотова Г.А.** Как быть вежливым? // *Русская речь*. 1985. № 5. С. 67–73.

REFERENCES

- [1] **M. Silverstein**, *Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function*, J. Lucy (ed.) *Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics*. Cambridge University Press. 1993. Pp. 33–58.
- [2] **L.N. Belyayeva, V.Ye. Chernyavskaya**, Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm, *Issues of Cognitive Linguistics*. 3 (48) (2016) 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84
- [3] **E.N. Molodychenko**, Metapragmatic discourses in differentiating genres in online media. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) (2021) 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207
- [4] **V.E. Chernyavskaya**, Missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies, *Issues of Cognitive Linguistics*. 2 (2018) 31–37.
- [5] **V.E. Chernyavskaya**, *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa [Linguistics of the text. Linguistics of discourse]*. M. 2018.
- [6] **V.E. Chernyavskaya**, Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17 (1) 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
- [7] **V.E. Chernyavskaya**, Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (2) 383–399. DOI: 10.21638/spbu09.2021.208
- [8] **V.E. Chernyavskaya**, *Tekst i sotsialnyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopороzhdeniya [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation]*. URSS. 2021.
- [9] **E.N. Molodychenko, V.E. Chernyavskaya**, Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 19 (1) (2022) 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
- [10] **L.S. Vygotskiy**, *Problemy razvitiya psikhiki // Sobraniye sochineniy v 6 t. T.3. M. 1983.*
- [11] **V.N. Voloshinov**, *Slovo v zhizni i slovo v poezii. K voprosam sotsiologicheskoy poetiki (1926) [A word in life and a word in poetry. On the issues of sociological poetics (1926)]*, M. Bakhtin (pod maskoy). Freydzizm. Formalnyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stati. [M. Bakhtin (under the mask). Freudianism. A formal method in literary criticism. Marxism and the Philosophy of Language. Articles.], M.: Labirint. 2000. Pp. 72-94.
- [12] **L.P. Voronina**, *Semantika i pragmatika deminutivnykh suffiksov v russkom yazyke [Semantics and pragmatics of diminutive suffixes in the Russian language]*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 359 (2016) 15–17
- [13] **V.A. Kuzmenkova**, *Diminutiv kak sredstvo vyrazheniya implitsitnykh smyslov vyskazyvaniya [Diminutive as a means of expressing implicit meanings of a statement]*, *Yazyk. Soznaniye. Kommunikatsiya [Language. Conscience. Communication]*. M.: MAKS Press. 2007. Pp. 38–50.
- [14] **S.V. Leskina, Yu.V. Slabko**, The ways of diminutive character preservation in translation (by the material of works of art in the Russian and English languages), *Philology. Theory & Practice*. 12-1 (66) (2016) 112–115.
- [15] **N.V. Menkova**, Diminutives as speech failure, *Verhnevolzhski philological bulletin*. 4 (15) (2018) 127–136.
- [16] **I.V. Fufayeva**, Expansion of expressive diminutives in Russian, *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3 (2016) 257–266.
- [17] **E.N. Molodychenko**, Identity, style, and styling: a sociolinguistic perspective, *Terra Linguistica*, 13 (2) (2022) 11–29. DOI: 10.18721/JHSS.13202
- [18] **G.A. Zolotova**, *Kak byt vezhlivym? [How to be polite?]*, *Russkaya rech [Russian speech]*. 5 (1985) 67–73.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Чернявская Валерия Евгеньевна

Valeria E. Chernyavskaya

E-mail: chernyavskaya_ve@spbstu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

Поступила: 10.09.2022; Одобрена: 30.09.2022; Принята: 04.10.2022.

Submitted: 10.09.2022; Approved: 30.09.2022; Accepted: 04.10.2022.